

Я м и л ь С а и д
М е н д е с

ВЕЧЕРИНКА
МОЕЙ ЖИЗНИ

Рецепты женского счастья

Ямилъ Саид Мендес

Вечеринка моей жизни

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мендес Я.

Вечеринка моей жизни / Я. Мендес — «Издательство АСТ»,
2022 — (Рецепты женского счастья)

ISBN 978-5-17-147654-0

За месяц до свадьбы Надя Паласио решает расстаться со своим женихом. Вся семья в ужасе! Все уже давно оплачено, родственники со всего мира купили билеты на самолеты... Что делать в такой ситуации? Конечно, воспользоваться тем, что за день до свадьбы Наде исполняется тридцать. На глаза ей попадает статья в журнале о том, что все чаще женщины празднуют тридцатилетие с шиком, как «двойную кинсеаньеру». Кинсеаньера – праздник пятинадцатилетия, когда девушки наряжаются в нарядные вечерние платья и отмечают вход во взрослую жизнь. У Нади не было возможности отпраздновать ее тогда, но теперь, когда она – успешная женщина и первый дипломированный специалист в своей семье, почему бы не поднять бокал за все свои достижения? Но что скажет на такую нестандартную идею семья? Ведь они ждали именно свадьбы. И что случится, когда жизнь преподнесёт Наде еще один сюрприз: владелец места, где она планирует провести праздник, окажется парнем, с которым у нее был роман в колледже?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147654-0

© Мендес Я., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ямилъ Саид Мендес

Вечеринка моей жизни

Эта книга посвящается Линде Камачо

Yamile Saied Mendez
TWICE A QUINCEANERA

© Yamile Saied Mendez, 2022
© Ковалева Е., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

За месяц до свадьбы

Надя

Если бы только существовал способ одним нажатием на волшебный пульт дистанционного управления перемотать, ускорить или приостановить время! Если бы только был способ получить второй шанс, сделать все правильно раз и навсегда.

Надя Паласио не раз мечтала об этом. Но сейчас, пока она сидела в своей машине, набираясь смелости встретиться со своей семьей, это желание было сильнее чем когда-либо. Только на этот раз она не испытывала сожалений о том, что сделала. Как раз наоборот.

Наконец-то она смогла постоять за себя, как обычно заступалась за других людей. Просто она не была готова иметь дело с последствиями. Пока нет.

Сейчас она нуждалась в кнопке «пауза», чтобы воспользоваться передышкой. Чтобы подумать. Но, даже если ее мир рухнул, планета Земля продолжала вращаться, подобно балерине на музыкальной шкатулке.

Вместо вальса, в ее голове раздавались оглушительные звуки молота Тора, устроившего разрушительную вечеринку на обломках ее жизни.

Прошлым вечером ее жизнь сильно изменилась.

Она рассталась с Брэндонем, своим женихом, с которым встречалась пять лет и который был ее парнем еще со средней школы. Вчера вечером она покончила и с его ложью, и с его бесконечным манипулированием.

Все это было тяжело, сердце ее было разбито, а уверенность в себе уменьшилась до размера пылинки, танцующих в лучах солнечного света, которые пробивались сквозь лобовое стекло ее машины.

И теперь, Надя собиралась сообщить эти новости своей семье, ее альтер-эго Чудо-женщины будет растоптано. С одной стороны, она хотела ворваться к семье и покончить с этим. Но она уже не была подростком, который выбегал из дома, выкрикивая пустые угрозы о том, что никогда больше не вернется, а затем, три месяца спустя, поджав хвост, появлялся на пороге и признавал свои ошибки.

Но именно так она себя чувствовала, сидя в машине на подъездной дорожке у дома своих родителей.

С того дня, как ее семья приехала в Соединенные Штаты из Аргентины, когда ей было двенадцать, Надя была счастлива в доме кремового цвета с комнатами на разном уровне. И все же она сбежала при первой же возможности, получив полную стипендию в университете, и унося на своих плечах груз ожиданий, возложенных на неё семьей. Несколько лет спустя она вернулась с двумя глянцевыми дипломами и модной приставкой в конце имени, Надя Паласио, доктор юриспруденции.

Первый дипломированный специалист в семье. Такого не удалось достичь ни ее родителям, Эрнесто и Вирджинии, ни ее сестре, Изабелле. Да и вообще никто из всего клана Паласио, абсурдного количества людей, разбросанных по всему миру, большая часть которых в этот самый момент собиралась отправиться в Орем, штат Юта, чтобы отпраздновать свадьбу Нади, не имел диплома.

Вот только свадьба отменялась. Брэндон собирал вещи и выезжал из их квартиры – ее квартиры – пока она пыталась набраться смелости, чтобы во всем признаться своим родным.

Надя уткнулась лбом в руль своего навороченного темно-серого субару «Аутбэк».

– О, Господи, помоги мне, – прошептала она. Надя не отличалась особой религиозностью, но сейчас как никогда нуждалась в божественном вмешательстве.

Она ждала голоса Всевышнего, который сказал бы ей, что делать, как это сделать или, по крайней мере, успокоил бы ее и заверил, что все будет хорошо. Но она слышала лишь птиц, порхающих среди деревьев, и йорка по кличке Тинкербелл, который на них лаял. Возможно, боги передавали ей спасительное послание, но Надя не говорила ни по-птичьи, ни по-собачьи. Она должна была справиться самостоятельно.

Надя вытерла вспотевшие ладони о свои волшебные черные брюки. Их волшебство заключалось в том, что они могли скрыть изгибы ее фигуры от похотливых глаз придурков из юридической конторы. Под аккомпанемент непристойных предложений и унижительных комментариев у нее ушло четыре года, на то, чтобы ей позволили самостоятельно вести дело, касающееся семейной распри из-за какой-то недвижимости. Она находила своего рода утешение, помогая в рамках закона другим семьям решить их проблемы, и в то же время боялась даже поговорить со своими родителями.

Словно вызвав дьявола из офиса, ее телефон запиликал и завибрировал в кармане, напугав Надю. Она взглянула на экран и прочитала:

Не забудь заскочить в офис за делом Хокинса. Сегодня пятница-развратница, но я могу встретиться с тобой там, если нужно.

Она поморщилась, представив хитрую улыбку Лэрэми Ханта, главного партнера и ее босса.

Надя собиралась проигнорировать это сообщение, но, если по словам Брэндона, она была скучной, она также была педантичной.

Я уже заезжала в офис сегодня утром – ответила она.

У нее засосало под ложечкой, когда она увидела три точки, означавшие, что он не отходил от телефона в ожидании ответа.

Наконец, она прочитала:

Умница! Напиши мне, если понадобится какой-либо совет. В эти выходные я один. Передавай от меня привет Брэндону!

– Ах ты, гадкий муд... кретин! – произнесла она, представляя, как Брэндон посмеялся бы над ней, если бы узнал, что она не может нормально выругаться, даже когда находится одна.

Вместо ответа, она сделала снимок экрана. Она сохраняла все сообщения, так, на всякий случай.

– Tía!¹ – Оливия, ее племянница и крестница, окликнула Надю у входной двери, помахав ей рукой. Шестнадцатилетняя девушка боготворила Надю, и та отвечала ей взаимностью. – Abuela² спрашивает, почему ты до сих пор на улице!

– Иду!

Стараясь успокоиться, Надя подавила угрызения совести за то, что сделала. Она боролась с желанием снова завести машину и уехать на край земли. Но не в Аргентину, откуда была родом ее семья, и проживали многие из клана Паласио. Нет. Она не смогла бы посмотреть им в глаза. Она бы отправилась на Аляску, а оттуда в Сибирь. Может, занялась бы рыбалкой или какой-то другой тяжелой работой, после которой не оставалось бы сил думать о том, насколько близка она была к достижению цели, поставленной ею еще в девятом классе средней школы, и о том, что она только что спустила ее в унитаз. В буквальном смысле. Вместе с обручальным

¹ Tía (с испан.) – тетя.

² Abuela (с испан.) – бабушка.

кольцом, которое на протяжении пяти лет впивалось в ее палец, царапало и ранило кожу и самооценку, хотя она притворялась, что оно ей нравится.

– Dale, Tía!³ – снова крикнула Оливия. Она старалась как можно больше говорить на испанском, благослови ее господь. Смесь аргентинского акцента семьи Паласио с пуэрториканским ее отца могли понять только в их семье. Поскольку колледж был уже не за горами, и Оливия очень хотела пойти по стопам Нади, она настояла на том, чтобы дома говорили только по-испански.

Надя открыла дверь и вышла из машины под палящее июльское солнце. Шпильки черных туфель от Джимми Чу, которые являлись одной из ее немногочисленных слабостей, царапнули изъеденный солью цемент подъездной дорожки. Стоя на одной ноге, Надя внимательно осмотрела повреждение и заметила ободранную кожу на левом каблуке. Но прежде чем она успела выплеснуть накопившееся внутри раздражение, ее мама сказала:

– Мы не можем опоздать на примерку, *mi amor*!⁴ Что ты так долго делала в машине?

Подмышки Нади покалывало от пота.

Ей следовало сбежать. Но теперь было слишком поздно.

Растянув губы в фальшивой улыбке, она посмотрела маме в глаза, зная, что вот-вот разобьет ей сердце.

– Mami⁵... нам нужно поговорить.

Ее мать схватила за сердце, на ее лице отразилась радость. Надя чуть не сняла туфли и не бросилась наутек по-настоящему.

– Ты беременна?

* * *

– Должно быть, ты что-то сделала, – сказал ее отец, нарушая зловещее молчание, повисшее на кухне после заявления Нади. – Вы двое казались такими счастливыми и влюбленными в прошлые выходные за ужином.

Последовавшая за этим тишина была гнетущей. Даже Тинкербелл перестала лаять на разноцветные солнечные зайчики, отбрасываемые витражным стеклом на кафельный пол, или на птиц за окном. Оливия, сидя за кухонной стойкой, взволнованно строчила сообщения на телефоне. Вероятнее всего сообщая своей матери, Изабелле, сестре Нади, новости о новой семейной драме.

Наде стоило начать с хороших новостей по поводу работы. Дочь двух трудоголиков, она должна была понимать, что новости о возможном повышении могли бы смягчить удар. Но после того, как ее мама сделала поспешные выводы, а ее отец радостно загорланил со второго этажа:

– ¡Otro nieto! ¡Qué alegría! Gracias, Dios mío!⁶, ей пришлось действовать быстро. Ситуация уже вышла из-под контроля.

– Да, точно. Ты, должно быть, что-то сделала. Брэндон нам как сын, – сказала мама, как будто нашла единственное логичное объяснение. Надя поджала пальцы ног в туфлях, когда ее мама продолжила. – Расскажи мне, что именно ты сказала. Я уверена, это какое-то недоразумение. Я позвоню Лизе...

Надя хлопнула рукой по столу и тут же пожалела об этом, когда ее мама вздрогнула.

³ Dale (с испан.) – Давай!

⁴ Mi amor (с испан.) – милая, любовь моя и т. п.

⁵ Mami (с испан.) – мамочка, мамуля.

⁶ ¡Otro nieto! ¡Qué alegría! Gracias, Dios mío! (с испан.) – Еще один внук! Какая радость! Господи, спасибо!

– Mamí, ты не станешь звонить матери Брэндона! – Ее голос дрожал, пока она пыталась придать своему тону твердости, оставаясь при этом почтительной. – Я ничего не делала. Между нами все кончено. Свадьбы не будет.

– Но родственники уже в пути! – добавила ее мама, Вирджиния, заламывая руки.

Надя представила, как ее родня из Аргентины, Англии, Испании, Канады и даже Австралии пакует чемоданы, чтобы успеть на свадьбу десятилетия, как они ее нарекли. Некоторые из них годами копили деньги на это событие. Другие просто хотели своими глазами увидеть, стоили ли последние восемнадцать лет, проведенные семьей Паласио в Соединенных Штатах, такого расстояния и жертв.

Ее свадьба представляла для ее родителей возможность похвастаться перед остальной родней, насколько счастливы были их дочери. Свадьба Изабеллы была небольшой, и в то время требования для получения визы США были слишком жесткими, лишая большинство членов их семьи возможности путешествовать. Сейчас ситуация улучшилась, но Надя все испортила.

Такая вот неприятность.

– Mamочка, не волнуйся, – попросила Надя. – Не знаю, как, но мы все уладим.

Ее мама прошлась пальцами по своим крашеным черным волосам и вздохнула.

– Думаю, стоит позвонить в свадебный салон и сказать им... Они могут не вернуть деньги за свадебное платье и платья подружек невесты. Ты ведь знаешь это?

Сердце Нади сжалось. Она была настолько ошарашена расставанием накануне вечером, что совершенно не приняла в расчет последствия. Она оплатила большую часть свадебных расходов, но ее родители тоже во многом помогли.

– Вы получите свои деньги обратно, – заверила она, погладив маму по руке. Ее руки были холодными, как лед, как будто они обсуждали смерть члена семьи, а не то, что ее семейный статус остался прежним. – У меня есть сбережения... И...

– Дело не в деньгах, – возразил ее отец.

Напряжение в теле Нади исчезло. Она надеялась, что сейчас отец обнимет ее, и она заплачет, пока он будет гладить ее по плечу и уверять, что все будет хорошо. Они вместе решат эту проблему. Она всегда хотела, чтобы он так сделал, но это всегда оставалось лишь мечтой.

– Просто я поверить не могу, что ты позволила этому затянуться на такой долгий срок, – продолжил он. – Я предвидел это много лет назад, но, когда предупредил тебя, ты со своей матерью сказали мне, что я обязан поддерживать свою дочь во всем.

Оливия резко ахнула, и Надя сдержалась, чтобы не вспылить.

– О чем ты говоришь? – спросила она, готовясь услышать упрёки.

– Не хотел этого говорить, но... Я ведь тебе говорил, – сказал он, показывая ладони, будто в них таилась правда. – Помнишь, когда тебе было шестнадцать лет, и ты первый раз вернулась домой в слезах?

Надя кивнула.

– Bueno⁷, я сказал тебе тогда, что эта небольшая ссора была лишь маленьким предвестником чего-то более серьезного в будущем. Тогда ты разозлилась, но я сказал, что однажды он бросит тебя, и тогда уже будет поздно что-то менять.

– Что значит слишком поздно? – возмутилась Надя.

– Ну, ты не становишься моложе, только и всего.

– Papá⁸...

– Знаю, знаю, – перебил он ее. – Но только это парень начал мне нравиться, как он отмечает свадьбу?

⁷ Bueno (с испан.) – что ж, хорошо.

⁸ Papá (с испан.) – папа.

Надю бесило то, что отец был прав, по крайней мере, отчасти. Тревожные звоночки проявились еще на первом их с Брэнденом свидании. Ей пришлось заплатить, потому что он «забыл» свой бумажник дома. Правда заключалась в том, что у него не было работы, и его мать запретила ему пользоваться семейной кредитной картой, как своим личным трастовым фондом. На протяжении многих лет совместной жизни они так часто расставались, что она потеряла этому счет. На этот раз все было по-другому. Но верно, это случилось в самый неподходящий момент. Теперь, когда ее отец начал относиться к Брэндону, как к сыну...

Но в то же время отец ошибался. Она ни в коем случае не была старой. Тридцать ей должно было исполниться только в следующем месяце, хотя в ее семье любой, кто оставался холостым до тридцати лет, считался аномалией.

Тревога, ее старая подруга, сдавила грудь. Надя восприняла это как сигнал, что пора сделать передышку. Пусть у нее и не было дистанционного пульта управления, чтобы остановить время, но ей нужно было побыть одной, если она хотела избежать скандала.

– Я скоро вернусь.

– Куда ты собралась? – в отчаянии спросила Вирджиния.

– В туалет, мам. Можно?

Она развернулась в сторону лестницы и не успела заметить, что лица ее родителей стали еще мрачнее. Но хуже всего было то, какой обеспокоенной выглядела Оливия, которая стояла за кухонным островком и сжимала руки, словно в молитве.

Надя хотела успокоить ее, но ей нечего было сказать. Она отвернулась.

На стене, по обе стороны лестницы висели десятки фотографий Нади и ее сестры, их взгляды казались осуждающими. Школьные фотографии, танцевальные выступления, неловкие годы ношения брекетов, несколько месяцев в школьной команде поддержки. По всем этим снимкам можно было судить о том, сколько усилий она прикладывала для достижения своих целей, ее постоянное стремление к большим высотам. Не было времени на празднование своих побед, потому что всегда появлялось что-то новое, чего нужно было достичь, что-то лучшее, к чему стремиться.

Многие годы она преследовала главную цель – замужество, и это выматывало ее. А теперь, когда эта цель исчезла – нет, когда Надя вычеркнула ее из своего списка – она не знала, к чему стремилась. Лестница состояла всего лишь из десяти ступенек, а она уже запыхалась.

Ее родители яростно перешептывались на кухне. Зазвонил телефон. Тинкербелл снова начала лаять.

Наконец, она добралась до ванной комнаты в конце коридора и закрыла за собой дверь.

– Ты в полной заднице, – сказала она своему отражению в зеркале.

Черт возьми. Она выглядела ужасно. На носу и подбородке повыскакивали прыщи, и она проклинала вышедшие из-под контроля гормоны, делающие ее еще более несчастной. Ей необходимо было подкрасить ресницы после стольких пролитых прошлым вечером слез, а волосы требовали серьезного ухода.

Это ведь она рассталась с Брэнденом, а не наоборот. Однако у нее не хватило смелости рассказать своим родителям об этом маленьком нюансе. Если бы они встали на его сторону, она бы этого не пережила. Им лучше не знать о том, что на самом деле произошло.

В голове пронеслось воспоминание о том, как она вернулась вчера домой, выжатая как лимон после напряженной трудовой недели и тренировки (потому что хотела выглядеть идеально в день свадьбы). Брэндон сидел за компьютером с...

У Нади перехватило дыхание, и она стала задыхаться.

Она плеснула водой на лицо, но к горлу лишь подступила тошнота. Перед глазами поплыли черные точки. Это было нечто более серьезное, чем просто тревога. Может, у ее случился запоздалый приступ панической атаки, и она не знала, как с ним справиться.

Надя опустила сиденье унитаза, села, опустив голову между колен, и начала делать в меру глубокие вдохи. Не хватало еще только упасть в обморок и устроить еще одну сцену. Она попыталась расслабить плечи, но мышцы были так напряжены, что она не знала, как избавиться от этой скованности.

Брэндон был прав. Она была чересчур напряженной, весьма скучной и довольно предсказуемой.

А она всего лишь пыталась делать все, чего от нее ожидали ее родители, ее парень, ее начальство, общество и весь этот гребаный мир.

Когда же она начала игнорировать свои собственные желания и взялась добиваться того, чего по словам других, она якобы хотела?

И снова нахлынули воспоминания. Она плакала в школьном туалете, а Хани Томас успокаивала ее: «Надя, он – мечта любой девушки. Тот факт, что он хочет вернуть тебя, когда мог бы заполучить любую другую, уже искупает вину за все остальное. Идеальных мужчин не существует...»

Им тогда было по пятнадцать лет, и она уже чувствовала себя неудачницей, потому что Брэндон продолжать вытирать об нее ноги. Но впервые в жизни вместо того, чтобы корить себя за ошибки прошлого, Надя почувствовала прилив сострадания к той девочке, которой она была, к той юной Наде.

Она прижала кулаки к глазам, и как только черные точки исчезли, а зрение вернулось, Надя заметила газетницу в углу рядом с ванной. Когда она в прошлый раз навещала родителей, ее там не было. Должно быть, Оливия оставила ее здесь, чтобы листать журналы, пока отмокает в ванне при свечах.

Как же ее мама изменилась!

Раньше она метала громы и молнии, когда Надя и Изабелла покупали журналы на деньги, которые они получали, присматривая за чужими детьми. Она говорила, что это непристойное чтение, полное глупых советов и – шепотом – порно. Но теперь, похоже, она совершенно не возражала, что они нравятся ее внучке. Не то, чтобы Надя завидовала Оливии. Она обожала свою племянницу, но тем не менее, трудно было не испытывать обиду.

Кто-то постучал в дверь ванной комнаты, и Надя вздрогнула.

– Надя, ты в порядке? – спросила Изабелла. Как она так быстро сюда добралась?

Вероятно, Оливия попросила ее приехать, и, хотя Надя не думала обращаться к своей сестре за утешением или поддержкой, в данный момент она была благодарна, что ее племянница позвонила своей матери. Никто больше не поинтересовался о ее самочувствии.

– Я в порядке, – ответила она заплаканным голосом. – Я сейчас выйду.

Она уже приготовилась к тому, что Изабелла заставит ее открыть дверь. Но сестра просто сказала:

– Хорошо.

По звуку удаляющихся шагов Надя поняла, что ее сестра вернулась на кухню.

Что на нее нашло? Были бы они моложе, Изабелла не отстала бы, пока Надя не открыла дверь и не выложила все. Затем сестра перечислила бы все совершенные Надей ошибки. А тут она просто оставила ее в покое.

И все же, Наде необходима была минутка, прежде чем вернуться к семье.

Она выхватила из газетницы первый попавшийся журнал, тот, на обложке которого была изображена красивая сексуальная латиноамериканка. Может быть, все эти годы Брэндон ждал, что она превратится в такую же, а потом устал ждать. Она тоже хотела быть сексуальной латиноамериканкой, но она никогда раньше не была такой девушкой.

Такой была Изабелла, которая вышла замуж за пуэрториканца еще до того, как окончила колледж. Разочарование их родителей длилось до того, как появились Оливия, а затем и Ной. Спасибо Господу за племянницу и племянника.

Она пролистала глянцевые страницы журнала. Она никогда не стремилась стать частью латиноамериканского бомонда в Соединенных штатах. Но она верила, что, получив диплом юриста с отличием, она наконец-то осуществит свою американскую мечту, которая была ей обещана.

Ложь. Все это ложь. С дипломом или без него ее жизнь походила на бесконечный бег в беличьем колесе.

В какой момент исчезло это чудесное желание побаловать себя? Когда она решила бросить свою волейбольную команду, чтобы болеть за мальчиков? Когда научилась игнорировать свой внутренний голос, говорящий ей бежать подальше от Брэндона Льюиса, даже если он был божьим даром для женщин?

Она не знала.

Надя швырнула журнал на столешницу. Страницы захлопали, как порхающие бумажные бабочки, пока он не упал со шлепком и открылся на развороте. Она сразу же пожалела о своей вспышке гнева, когда заметила, как вода, которую она плеснула на столешницу, просачивается сквозь страницы. Надя не хотела портить журнал своей племянницы. Какое она имела на это право?

Но не успела она закрыть его и вернуть обратно в газетницу, прежде чем спуститься вниз и снова встретиться со своей семьей, как ее внимание привлек большой блестящий розовый заголовок статьи:

«Двойная кинсеаньера⁹ – новый модный тренд, которому прочат долгое существование».

Под заголовком красовалось изображение латиноамериканки в сногшибательном золотистом платье, которое почти непристойно облегалo ее тело. Она запрокинула голову назад в приступе смеха, ее роскошные темно-каштановые локоны веером рассыпались по плечам. В ее руке бокал с шампанским, и она окружена толпой смеющихся друзей.

Эта фотография заключала в себе все, за чем Надя гналась всю свою жизнь и не подозревала об этом. Празднование ее достижений. Ночь с друзьями и семьей, и, возможно, любовь, но не обязательно.

Она продолжила читать:

«Я не отмечала кинсеаньеру, когда мне исполнилось пятнадцать, и, хотя я понимала, почему мои родители предпочли бы отложить деньги на колледж, я все равно завидовала изысканным вечеринкам своих подруг по случаю их совершеннолетия. Теперь, имея финансовую стабильность, мне захотелось купить торт и съесть его в окружении розовых украшений и воздушных шаров, и поднять бокал шампанского за те замечательные вещи, которых я достигла, и те, которые решила материализовать в будущем», Сильвия из Сан-Антонио, штат Техас.

Надя хватала ртом воздух. Сама того не осознавая, она затаила дыхание, пока читала и еще раз перечитывала статью.

Двойная кинсеаньера?

⁹ *Кинсеаньера (испанс. Quinceañera)* – дослов. пятинадцатилетие. Этот праздник, символизирующий переход от подросткового возраста к взрослой жизни, широко распространен в странах Латинской Америки. Кинсеаньера празднуется в день пятинадцатилетия девочек.

Она прижала журнал к груди. Какая разница, что она смяла страницы еще больше? Она купит Оливии новый журнал. Но слова этой женщины, Сильвии? Она могла бы сама написать эту статью.

Двойная кинсеаньера, чтобы отпраздновать ее тридцатилетие. Какая революционная идея!

Что если...

Но нет. Она отогнала эту мысль. Она ведь не могла просто так устроить себе вечеринку на день рождения? Верно?

Хотя, почему бы и нет?

Ее день рождения был на следующий после отмененной свадьбы день. Она специально выбрала эту дату, чтобы показать, что вышла замуж до того, как ей перевалило за тридцать.

Надя мысленно пробежалась по всем деталям, необходимым для замены свадьбы на вечеринку по случаю дня рождения.

В течение многих лет она планировала свадьбу своей мечты, насколько это позволяли обстоятельства.

Ей пришлось бы купить другое платье, но еда уже оплачена.

Теперь, место празднования...

Ее мозг юриста пришел в действие, и она попыталась пробежаться в уме по условиям договора. Или тому, что могла вспомнить. Она не помнила конкретной профессиональной лексики, но была уверена, что речь шла о платеже. Главное, чтобы за это место было заплачено, а так оно и было. Остаток суммы был внесен еще несколько месяцев назад – она могла бы устроить буйную пирушку, если бы захотела.

Если владелец согласится перезаклучить с ней договор, подписанный Брэндон, хотя тот не внес по нему ни цента.

Она представила себе, как удивился бы Брэндон, узнав, что она задумала.

Нет. Не задумала. А собиралась делать.

Решено. А когда она на чем-то останавливалась, но уже не поворачивала назад.

– Это я-то предсказуемая? – спросила она вслух, словно представляя перед собой Брэндона.

Преисполненная решимости, она открыла дверь ванной комнаты и направилась вниз.

Вечеринка для семьи Паласио все же состоится, и она сможет продемонстрировать свои достижения, даже если у нее больше не будет жениха, как символа успеха.

– Двойная кинсеаньера, жди меня.

Глава 2

Маркос

Маркос нажал кнопку «Игнорировать» на приборной панели своего субару «Аутбэк». Две секунды спустя телефон снова зазвонил. Модель автомобиля была слишком старой, чтобы показать номер звонившего, и обычно он не отвечал на случайные звонки. Ему стоило положить телефон в карман, как это делают нормальные люди, но после несчастного случая с его родителями три года назад он старался оставлять телефон вне пределов досягаемости, чтобы не отвлекаться. Он должен был оставаться на связи круглосуточно семь дней в неделю, но сейчас уже подъезжал к месту проведения мероприятий. И почему звонивший не мог позволить ему насладиться последними минутами тишины?

Когда он согласился помочь с семейным бизнесом, то и подумать не мог, что станет всего лишь пресловутым оператором, который переадресовывает звонки туда-сюда. Его родители всегда старались, чтобы воплощение в жизнь сказочных желаний людей выглядело легко и непринужденно. Как им удалось так долго продержаться?

Ну, под «ними» он на самом деле имел в виду свою маму.

Он тут же пожалел, что подумал о ней, о покойной Монике Хокинс. В его телефоне до сих пор сохранилось голосовое сообщение, которое ему все не хватало духу прослушать. Ее последнее голосовое сообщение. Она умерла три года назад, но боль в сердце по-прежнему была настолько невыносимой, что, когда снова раздался телефонный звонок, он нажал кнопку «Принять». Лучше это, чем иметь дело со своим горем и его дочерью: виной и стыдом.

– Где ты был? Я пытаюсь дозвониться до тебя целую вечность, и все время попадаю на голосовую почту, – рявкнула его сестра, Сара.

На заднем фоне плакал ребенок. Его маленький племянник, Элайджа. Если бы Маркос пришлось застрять во время поездки в одной машине со своей психованной сестрой, он бы тоже так рыдал.

Но у его сестры было слишком много забот, давивших на ее костлявые плечи, чтобы еще иметь дело с его незрелостью, поэтому он не стал язвить, а лишь произнес:

– Привет, Сара. Да, я в порядке. Спасибо, что поинтересовалась.

Она фыркнула на другом конце провода, но, когда снова заговорила, ее тон немного смягчился.

– Мы уже уезжаем, и я хотела убедиться, что все в порядке. Как папа сегодня утром?

Маркос запустил пальцы в свои длинные выющиеся волосы, слипшиеся от пота после двухчасовой тренировки, с помощью которой он пытался избавиться от своего беспокойства. Он вздохнул, вспомнив, как его отец просто сидел у окна, когда появился Сантьяго, медбрат, который ухаживал за пациентами на дому. Сантьяго собирался приготовить своему подопечному ванну и провести с ним терапию.

Хотя большую часть времени отец не помнил, кто такой Маркос и почему он на него сердится, он все равно бросал на сына испепеляющий взгляд, который заставлял Маркоса заново переживать каждую ошибку, которую он совершил в своей жизни. Не то чтобы он этого не заслуживал. Но все же.

С одной стороны, Маркос жалел, что не остался в Лос-Анджелесе, но он быстро отмахнулся от этой мысли. Разве не это изначально принесло столько горя его семье? Если бы он приехал домой хотя бы раз до несчастного случая, тогда последним воспоминанием о его матери

было бы не то обиженное выражение лица, которое вызывало в нем острое желание провалиться сквозь землю, окунуться в расплавленную лаву и исчезнуть.

– С отцом все хорошо, – ответил он, притормаживая, чтобы «хонда» могла влиться в полосу движения на шоссе I-15, следующим на юг. Скоростные автострады Лос-Анджелеса были кошмарными, но движение в долине Солт-Лейк было еще хуже, чем он помнил, особенно для водителя столь реликтового автомобиля, того самого, на котором Маркос ездил еще в колледже.

– Сантьяго пришел, и я воспользовался шансом сходить в тренажерный зал.

Его сестра прищелкнула языком и после минутного молчания, словно решая, стоит ли ей что-нибудь говорить, она добавила:

– Я не понимаю твоей одержимости походом в тренажерный зал, когда в доме уже есть один...

Он закатил глаза и начал подергивать левой ногой. Конечно же, она не понимала. Иначе с чего бы ей думать, что старая бандура Bowflex начала двухтысячных годов была приемлемой для тренировки? Беговая дорожка не развивала скорость выше 4 км/ч. Если бы он не бегал каждое утро, то не смог бы унять свое беспокойство. Ему нужна была какая-то разрядка, и после разрыва с Бри, у него никого больше не было. Но не мог же он признаться в этом своей сестре, поэтому просто ответил:

– У меня все под контролем. Отправляйтесь в свое путешествие и повеселитесь там всей семьей. Обещаю, что с папой все будет в порядке, и свадьбы пройдут без сучка и...

– Ты на громкой связи, – перебила его сестра, вероятно почувствовав, что последует неприличный ответ. Неужели его голос выдал его? Ему было почти тридцать, но с Сарой она всегда вел себя, как тринадцатилетний подросток.

– Привет, Маркос, – поздоровался Ник Барриос, муж его сестры.

Маркос закусил губу, чтобы сдержать смех. Ему бы стоило знать, что его набожный зять внимательно прислушивался к каждому его слову, ожидая подходящей возможности вернуть Маркоса в лоно церкви. Он служил мормонским епископом, лидером религиозной общины, насчитывающей около трехсот человек из их жилого района. И при каждом удобном случае у Маркоса появлялось какое-то детское и иррациональное желание вызывать у своего шурина чувство неловкости.

– Приве-е-т, Ники Джем! – пропел Маркос.

Ник рассмеялся, как и каждый раз, когда Маркос произносил эту глупую шутку. Ник и Ники Джем¹⁰ находились на противоположных концах пуэрториканского спектра.

Смеясь, Маркос бросил взгляд на соседний автомобиль и заметил улыбающуюся ему женщину. Он подмигнул ей, больше по привычке, чем что-либо еще, и снова обратил свое внимание на дорогу перед собой. Совсем скоро должен был показаться его съезд с автомагистрали, а из-за всех этих дорожных работ, он не был уверен, где ему стоит перестроиться.

– Как я уже говорил, Сарита, – продолжил он. – У меня все под контролем.

Последовавшее молчание вовсе не свидетельствовало о доверии, на которое он рассчитывал, и он потер подбородок, как будто его сестра дала ему пощечину.

– У тебя благие намерения, я знаю, Марк, – произнесла она. Услышав свое детское прозвище, он пожал плечами, как нашкодивший маленький мальчик. Но он сам напросился на это, когда назвал сестру Саритой, чтобы досадить ей. – Но этот месяц станет решающим, особенно с учетом того, что юристы тщательно изучают каждую мелочь, желая убедиться, что отец может управлять бизнесом, и его братья не смогут отобрать у нас поместье.

Оба брата его отца были знаменитыми мормонами, что не мешало им лишиться своего брата наследства после смерти бабушки и дедушки Хокинс. Такие религиозные люди, как его

¹⁰ *Ники Джем* (Nicky Jam) – американский певец и автор – исполнитель пуэрториканского происхождения.

дядьки, вызывали у него аллергию. Может быть, именно поэтому он не оставлял попыток убедить, что Ник не такой, как они?

Единственное, что его отец получил в доверительное управление, была некогда полуразрушенная ферма, которая с помощью мамы Маркоса превратилась в процветающее и прибыльное место для проведения свадеб и других праздников.

Ранняя болезнь Альцгеймера лишила дееспособности его отца, Стюарта Хокинса, и тут же нагрянули дядя Монти и дядя Джордж, заявив, что Стюарт в его состоянии не может управлять родовой собственностью. Истинная причина заключалась в том, что ферма, где его родители на протяжении многих лет устраивали тысячи свадеб, являлась первоклассным объектом недвижимости, и они хотели превратить ее в поле для гольфа или что-то в этом роде.

Семья...

Впереди показался съезд с автострады. Маркос подрезал черную «теслу», водитель которой посигналил ему, в ответ Маркос послал ему воздушный поцелуй. Выражение лица этого парня заставило Маркоса рассмеяться.

– Не смейся, Маркос, – проворчала Сара, как обычно совершенно неправильно истолковав его смех. – Ферма очень многое значит для нас. Сделай это ради мамы. Это меньшее, что ты можешь сделать после...

– Сара, – тихо произнес Ник, и Маркос испытал прилив благодарности к своему зятю.

Его сестра знала, как задеть за живое. Маркос вернулся, как блудный сын, но никто не собирався зажарить для него откормленного теленка. Он должен был заслужить это.

– Прости, – сказала Сара, и ребенок снова заплакал на заднем сиденье. – Спасибо, что подменил меня. Как я уже сказала, все готово для двенадцати приемов, с четверга по субботу.

Маркос слышал это миллион раз, но она просто не могла удержаться. Верно? И каждый раз повторяла указания.

– Кензи может почти со всем справиться, но ты должен помочь. Хорошо?

– Я знаю, – ответил он, чувствуя себя ребенком, которого отчитывали.

– Послушай, еще один вопрос. Вчера вечером я прослушивала голосовые сообщения, и звонила эта женщина, Надя Паласио. Она снова позвонила мне сегодня утром, но ее сообщение прервалось. Можешь убедиться, что все в порядке? Знаешь, эти одержимые свадьбой невесты те еще штучки!

– Не беспокойся, – успокоил Маркос, снова почувствовав себя на своей территории. Он больше предпочитал иметь дело с возмущенными клиентами, чем со своей обеспокоенной сестрой. – Я с этим разберусь.

Маркос практически видел, как плечи Сары расслабились от облегчения.

– А теперь езжайте и повеселитесь... – Желание сказать это было настолько велико, что он позволил словам вырваться наружу. – И, дети мои, не забывайте о контрацептивах, если не хотите вернуться домой с маленьким пирожком в духовке. Трое детей за три года – это слишком даже для мормонов.

Ник нервно рассмеялся, а Карли, трехлетняя племянница Маркоса воскликнула:

– Я хочу *маенький* пирожок, мама! Я *гоедная*!

Маркос расхохотался, а его сестра прошипела:

– Я тебя прикончу, Маркос. Дай только вернуться домой!

* * *

Все еще посмеиваясь при воспоминании о тоненьком голоске своей племянницы и представляя сестру, пытающуюся объяснить его последние слова, Маркос проехал последний участок до фермы, где находилось место проведения мероприятий. Как и каждый раз, когда он

проезжал по затененным деревьями дорогам крошечного Маунтинвилля, он вдохнул смесь горечи и удовлетворения. Он был дома, нравилось ему это или нет.

Учась в колледже, он не мог дождаться, когда сможет выбраться отсюда. Это место угнетало и предъявляло иррациональные ожидания, которые не мог достичь ни один обычный человек. Его родители хотели, чтобы он был идеальным, как и все остальные вокруг него, которые тоже казались идеальными. Однако Маркос достаточно хорошо знал своих друзей и видел их насквозь. Но он никогда не скрывал, кем был, что чувствовал, и какими были его ценности.

Он переехал – сбежал – в Калифорнию. Но все эти годы ни дня не проходило, чтобы он не скучал по величественным горам, даже в конце июля все еще покрытым снегом, и захватывающей дух красоте ярко-голубого неба. Конечно, когда небо не было затянуто дымкой от летних пожаров в горах. Хотя, этот дым создавал чудесные закаты.

Сколько раз он выходил, чтобы вынести мусор – это была его обязанность с четырех лет и до подросткового возраста – и замирал, как замороженный, наблюдая за красотой неба, а затем обнаруживал, что его мама делает во дворе то же самое.

Жаль, что его мамы больше не было рядом... Он мало что унаследовал от нее, помимо своей средиземноморской внешности и любви к красивым вещам.

Каждый год она безуспешно пыталась уговорить его вернуться домой, заманить обещаниями походов с палатками в каньон, но Маркос и его отец были упрямы, как ослы. Они очень часто ссорились.

Им обоим слишком нравилось указывать на то, что они терпеть не могли друг в друге.

Когда-то нравилось.

Отец больше с ним не разговаривал.

Маркос свернул на последнем повороте, и, как обычно, вид старого амбара, окруженного ивами, которые росли тут еще до того, как мормонские первопроходцы поселились на этих землях, заставил его улыбнуться. Вопреки всем воспоминаниям. В основном, грустным из-за него.

Сам Бог велел ему вернуться сюда, в место, которое Маркос ненавидел подростком, чтобы искупить грехи своего прошлого. Кроме того, это самое малое, что он мог сделать, чтобы почтить память своей матери, завоевать одобрение отца и любовь сестры.

Он не понимал, как его маме не надоедало иметь дело с переживаниями невест, которые испытывали стресс по поводу увядающего букета или нового прыщика на подбородке, до которого на самом деле никому не было дела. Или с матерями невест, которые через дочерей пыталась воплотить в жизнь собственные фантазии, сколько бы это ни стоило. Или с женихами, на лицах которых появлялось выражение ужаса, когда они понимали, что совершили самую большую ошибку в своей жизни, но было слишком поздно идти на попятную, и даже алкоголь не придавал им храбрости. Но что поделаешь, дело почти сделано, и с таким же успехом они могли бы прикинуться счастливыми.

– Ты становишься старым и циничным, Хокинс, – укорил он себя, доказывая тем самым, что это действительно и происходило. Он становился старым и циничным.

Он припарковался на том месте, которое когда-то принадлежало его отцу. Единственной другой машиной был «ниссан». Кензи, помощница – его помощница на этот месяц – уже была здесь.

Ему пока не удавалось приехать раньше нее, но он не хотел рисковать и оставаться наедине с Кензи больше, чем это необходимо.

– Доброе утро, – поздоровался он, войдя в кабинет, и закинул спортивную сумку на плечо.

Она повернулась и лучезарно улыбнулась ему. Если бы Маркос был более слабым мужчиной – как, например, в прошлом году – Кензи была бы в серьезной опасности. Конечно же,

он не принимал обет целомудрия, но все же не хотел больше окунаться в мутные воды воспоминаний о бывших школьных подружках.

– Привет! Хорошо выглядишь, – ответила она, очаровательно махнув ему рукой. На ней была блузка с высоким воротником, которая отлично облегалась ее фигуру, но он приучил себя всегда смотреть ей в лицо. Так, на всякий случай.

Маркос застенчиво улыбнулся, снова запустив пальцы в свои спутанные волосы.

– Что нового?

Она прислонилась к своему столу, на котором стояли фотографии в рамках ее троих детей. Никаких следов бывшего мужа ни на одной из семейных фотографий, но в этом не было необходимости. Дети были похожи на Райдера как три капли воды – светловолосые, голубоглазые, розовощекие. Райдер с Маркосом вместе занимались бегом в колледже. Маркос и подумать не мог, что эти глаза, прожигавшие ему спину во время каждого забега, будут и у этих милых детей. Не то, чтобы Маркос завидовал Райдеру или хотел детей в ближайшем будущем или вообще когда-либо, но этот ублюдок совершенно не заслуживал всего этого, учитывая каким мудаком он был.

– Ой, все по-старому, ничего нового, – ответила она, скромно пожав плечами и откинув свои высветленные волосы назад. До десятого класса Кензи была брюнеткой.

– Дети провели эти выходные с Райдером, а я прошлым вечером была совсем одна и чуть не умерла от скуки! Я все надеялась, что ты позвонишь и пригласишь на ужин или типа того. – Она взмахнула своими длинными ресницами, словно обольстительная бабочка.

Ему стоило отдать должное ее упорству.

– Э-э, – произнес он. – Я имел в виду работу. Что-нибудь новенькое на работе?

При виде ее обиженного взгляда он почувствовал себя последним мерзавцем. Но Маркос не мог позволить себе оставить брешь в броне, которой окружил себя, отказавшись от отношений. Она воспользовалась бы любой лазейкой. Доказательством этого было то, что его невинный вопрос о новом местном ресторане, она восприняла как возможность для них сходить туда на свидание. Никогда в жизни.

Ее лицо окаменело, когда она ответила:

– Только эта женщина, Паласио, которая позвонила сегодня утром, чтобы отменить свадьбу.

– Что? Отменить свадьбу? – Пятница, утро – определено слишком рано, чтобы разбираться с этим дерьмом. – Разве ее свадьба не в конце этого месяца?

Кензи пожала плечами и недовольно поджала губы.

– Она оставила бессвязное сообщение этим утром. Хочешь его прослушать?

Он покачал головой. Что если женщина хотела вернуть деньги? Он пытался вспомнить точную формулировку договора бронирования, но забыл, что было написано мелким шрифтом.

– Чего она хотела?

Кензи пожала плечами.

– Она сказала, что заедет, чтобы поговорить с тобой.

– Почему со мной? – спросил он больше себя, чем кого-либо.

– Ты же босс, – ответила Кензи, снова пожав плечами. – Я собираюсь на обед. Я бы осталась и разобралась с ней, но Сара заверила меня, что у тебя все под контролем. – Она уставилась на него, словно бросала вызов, словно ждала, что он попросит ее о помощи, скажет ей, что она нужна ему, чтобы разобраться с этой ситуацией.

Но он не хотел быть ей чем-то обязан. Кензи воспользовалась бы любой возможностью, чтобы притвориться, что тот поцелуй в старшей школе имел какое-то значение.

Маркос посмотрел на часы. Полдвенадцатого. Он все ещё успевал принять душ до того, как появится эта женщина. Ему предстояло каким-то образом притвориться, что он тоже, как

и женщины его семьи, обладает умением очаровывать невест, но он не мог этого сделать, воняя потом.

– Все нормально, – сказал он, направляясь на верхний этаж, где находился душ. – Я с этим разберусь.

Маркос почувствовал на себе взгляд Кензи и решил, что отныне будет принимать душ в тренажёрном зале.

Глава 3

Надя

– Двойная кинсеаньера? – Мама смотрела на Надю так, словно та лишилась рассудка. Она обратилась к своему мужу. – Эрнесто, пожалуйста, вразуми свою дочь!

Надя ожидала, что они помогут ей устроить этот спонтанный праздник, о котором она даже не задумывалась полчаса назад. Судя по реакции ее мамы, пришло время сменить тактику.

– Рарі, все будет за мой счет. Обещаю, тебе не придется ничего делать.

Она сказала «делать», но имела в виду «платить». Она знала, что возражения ее родителей против разрыва отношений или этого грядущего праздника не были связаны с деньгами. По крайней мере, не совсем.

Он поднял руку.

– Только лишь разобраться с семьей, *hija*.¹¹ Они уже и так много о тебе говорят.

Семья. Родственники, которые жили за тысячи миль отсюда. Половину из них она видела последний раз десять лет назад во время визита в Аргентину, когда Ной еще был в памперсах. А другую половину Надя вообще ни разу в жизни не встречала. Почему она, квалифицированный специалист и независимая женщина, должна была считаться с мнением совершенно незнакомых ей людей?

Она почувствовала, как внутри нее закипает гнев. Гнев, который на самом деле был направлен не на родителей и даже не на родственников. Она злилась на Брэндона за то, что он впустую потратил ее лучшие годы. Последние десять лет она вела себя так, как будто они были давно женаты, в то время, как он... а у него было совершенное иное представление о старых супружеских парах. Но, спустив обручальное кольцо в унитаз, Надя пообещала себе, что больше не потратит ни минуты своего драгоценного времени на Брэндона. Ее биологические часы тикали, и дело не в том, что она желала найти Брэндону замену, она просто хотела жить, быть свободной, хоть раз в жизни устроить себе большой праздник.

Но для ее родителей, которые обычно едва смотрели на ее табели успеваемости с одними пятерками и дипломы об образовании с отличием, при этом говоря: «В конце концов это твоя работа», праздники имели другое значение. Ей повезло, что они хоть как-то отметили ее успехи в учебе, когда она стала одной из лучших на юридическом факультете. Именно поэтому она так ждала своей свадьбы, которая стала бы празднованием всех ее достижений. Дополнительным бонусом в ее сложной жизни, похожей на торт «Наполеон».

И вот к чему это привело.

Надя опустилась на стул, главным образом потому что у нее болели ноги, и она не хотела ко всему прочему еще натереть мозоли. К тому же она устала. Выдохлась морально и физически.

Надя вздрогнула, когда Изабелла положила ладонь на ее руку. Взглянув на свою сестру, Надя ожидала увидеть такое же разочарованное и испуганное выражение, какое видела на лицах родителей. Но вместо этого была встречена легкой улыбкой, за которой скрывались понимание и поддержка, что было редкостью и придало Наде храбрости проявить характер.

Образно говоря. Ведь она уже давно вышла из детского возраста, чтобы закатывать истерики, да и сил на это уже не было.

¹¹ *hija* (с испан.) – дочь.

– Место проведения оплачено. Моими деньгами, – добавила она. Ее мама опустила взгляд на стол, но Надя все равно успела заметить, как она закатила глаза. – Я не могу вернуть деньги, уведомив их всего лишь за месяц. Билеты на самолет тоже нельзя вернуть, – продолжила перечислять Надя, для наглядности загибая пальцы. Будучи типичной Девой по знаку зодиака, она собиралась записать все это в список, как только найдет листок и ручку, но пока постаралась запомнить. – Мы по-прежнему можем встретиться с родственниками и показать им нашу великолепную жизнь. Мы все еще можем устроить праздник. На мой день рождения. Видит Бог, я много раз отмечала дни рождения, не имея даже торта!

Надя едва сдерживала слезы. И почему она была такой эмоциональной? И тут она с ужасом поняла, что утром забыла принять противозачаточную таблетку. Она была очень восприимчива даже к малейшим дозам лекарств, но никогда прежде не вела себя так безответственно.

Конечно, вероятность забеременеть была невероятно мала. И чтобы убедиться в этом, ей даже не нужно было считать дни с последнего раза, когда они с Брэнденом занимались сексом. Они действительно жили как давно женатая пара, включая секс. Или точнее его отсутствие.

И как она могла быть такой бестолковой? Она даже не помнила, когда они были близки последний раз, не говоря уже о спонтанной страсти, от которой у нее кружилась голова. О чем она вообще думала? Что свадьба исправит их несуществующую химию? Что ни с того ни с сего он превратится в заботливого, потрясающего любовника, которым никогда не был? Такой у нее был только однажды, еще в колледже. Нельзя сказать, что они встречались, у них была скорее... интрижка. Она даже имени настоящего его не знала, но все называли его Ракетой. Он был звездой легкоатлетической команды и единственным парнем, с которым она спала, кроме Брэндона.

Надя никогда бы не призналась в этом никому, даже своему собственному дневнику, но в редкие, самые интимные моменты с Брэнденом она закрывала глаза и думала о Ракете, о его мускулистых загорелых руках и ногах, длинных вьющихся волосах... Вспоминала о том, как он улыбался, ласково поглаживая ее по спине, когда они делились своими мечтами о будущем и обсуждали, в чем вообще заключается смысл жизни. Тогда, десять лет назад, она знала, что им не суждено быть вместе. Их цели были такими разными. Но черт побери! Она до сих пор не могла забыть этого парня и его поцелуи, и то, как его пальцы и язык...

Ее обдало жаром от этих воспоминаний.

Она обмахнулась рукой, и отец, слава богу, не подозревая о ее мыслях, протянул ей стакан воды.

– Не устраивай сцену, Надя Ноэми. Я понимаю, тебе, должно быть, тяжело, что Брэндон разорвал помолвку, но ты никогда не была истеричкой, и сейчас не стоит начинать, ведь ты una mujer hecha y derecha¹².

Надя знала, что отец желал ей добра, но все же, чтобы не вспылить от злости, ей пришлось сжать зубы. Она снова напомнила себе, что не злится на своего отца.

По крайней мере, ее родители немного успокоились, и Изабелла, казалось, была на ее стороне, хотя почти ничего не сказала. Оливия куда-то запропастилась. Несомненно, ее отправили домой, чтобы она не видела, как ее тетя теряет самообладание.

Отлично. Теперь она была плохим примером для своей крестницы.

– И ты собираешься устроить себе вечеринку, *hija*? – растерянно спросила мама. – Свадьбу без жениха?

При этих словах Изабелла оживилась, но сжала губы, как будто пыталась сдержаться, чтобы не сказать что-то неприличное.

¹² una mujer hecha y derecha (с испан.) – взрослая женщина.

– Нет, мама, кинсеаньера для взрослых, ее называют трентаньерой¹³, – ответила Надя, разгладив скатерть ухоженной рукой. Эх! Если бы жизненные перипетии можно было бы так же легко убрать. – Рарі, мы станцуем вальс. У нас будет торт. Мы отпразднуем мою жизнь, которая является отражением вашего тяжелого труда. Ты так не считаешь?

Хотя, особый энтузиазм, с которым она произнесла последние слова, казалось, не убедил ее родителей. Возможно, они почувствовали, что она была не совсем честна. Этот праздник должен был стать честованием ее упорного труда, но Надя не знала, как бы культурнее и уважительнее выразиться.

– И владельцы праздничного заведения не против этого? А что насчет платья? – Ее мама отличалась привычкой переходить прямо к делу.

Надя пожала плечами.

– В полдень я встречаюсь с владельцем заведения. Но что он может сказать на самом деле? Отказать? За все уже заплачено. Черт побери, я могу делать все, что захочу со своими деньгами. – Повисла оглушительная тишина, и Надя поняла, что ляпнула лишнее. «Черт побери» считалось в их доме ругательством. – Простите, это был перебор. Но вам стоит отдать мне должное, учитывая, что, на мой взгляд, я неплохо справляюсь. Пожалуйста?

Она почти умоляла их поддержать ее.

Надя обвела взглядом свою семью, собравшуюся за столом, и добавила:

– Хотите поехать со мной, чтобы поговорить с ним? Я не буду возражать...

Она замолчала, ожидая ответа, но ни ее родители, ни сестра не поддались на приглашение.

– Ты должна сама со всем этим разобраться, пена¹⁴, – сказал отец. – Нелегко будет общаться со всеми родственниками. И мы не оставим тебя в затруднительном положении, как сделал твой повіо¹⁵, но сама подумай. Нам тоже тяжело. Мы потеряли сына.

С таким же успехом он мог бы вонзить ей нож в сердце.

Эрнесто никогда не жаловался, что был отцом двух дочерей, и не сетовал на то, что некому передать фамилию Паласио. Но, видимо, Надя не понимала, что для него значит иметь сына.

Но, видя, какие замечательные отношения были у ее отца с Джейсоном, мужем Изабеллы, ей стоило бы это знать.

Надя закусила губу и посмотрела на сестру.

Изабелла вздохнула.

– Я помогу всем, чем смогу, но сегодня у Ноя соревнования по бейсболу. Джейсон допоздна на работе, а я отвечаю за угощения для команды и еще ничего не успела приготовить.

Надя хотела напомнить сестре, что ей необязательно самой готовить для группы четырнадцатилетних подростков, которые, пока не видят их родители, поглощают вредную еду в МакДональдсе и Тако Белл. Но она знала, что бессмысленно бороться с одержимым желанием Изабеллы нянчиться со своим сыном. Ради Ноя она, словно мученица, готова была вытерпеть, чтобы ее заживо сожрали комары во время бейсбольного матча.

Изабелла ненавидела бейсбол так же сильно, как любила своего сына. Как когда-то давно любила своего мужа, Джейсона. Помешанного на бейсболе пуэрториканца. Может быть, все отношения портились со временем. Может, все фильмы и книги лгали о том, какой на самом деле была любовь. Но с другой стороны, в фильмах и книгах не рассказывалось о мелочах повседневной жизни.

¹³ *Трентаньера* (испан. Treintañera) – тридцатилетие.

¹⁴ *пена* (с испан.) – крошка, малышка.

¹⁵ *повіо* (с испан. – жених.

Надя решила не ждать, когда ее жизнь превратится в счастливую сказку, а создать ее собственноручно. Без мужчины, который стал бы указывать, что ей делать, унижать ее, обращаться с ней, как с домработницей или еще хуже, как с одним из своих братанов. Как Джейсон обращался с Изабеллой, но кто Надя такая, чтобы впутывать сестру в свои проблемы? Изабелла лучше, чем кто-либо другой, знала, что ее личная жизнь была на последнем издыхании, даже хуже, чем у Нади. Боже.

По крайней мере, у Нади не было детей, о которых нужно было думать.

Надя пожала плечами.

– Я поеду к нему сама. Я общалась с его дочерью, но ее нет в городе. В любом случае, я встречалась с ним в прошлом году, когда мы подписывали договор, и он был достаточно милым, помните? – Выражения лиц ее родителей смягчились, поскольку она решила заняться этим самостоятельно, и Надя увидела возможность настоять на самом важном для нее вопросе. Она посмотрела на них и просила: – Но вы хотя бы придете на празднование, пожалуйста?

Мама скрестила руки на груди и поджала губы. Она посмотрела на своего мужа, чтобы тот ответил за нее, как обычно.

Он прочистил горло и сказал:

– Конечно мы там будем со всей семьей. – Надя потянулась и взяла его за руку. Он нежно пожал ее и добавил с предупреждением в голосе. – Надеюсь, ты действительно хочешь организовать этот праздник, выставив напоказ свою несостоявшуюся помолвку. Надеюсь, что в конечном итоге ты не пожалеешь об этом потворстве своим желаниям.

Если не считать интрижку с Ракетой, она никогда не сходила с пути, проложенного для нее родителями и обществом. Никогда не подвергала его сомнению. Но если устроить себе раз в жизни настоящий праздник считалось равнозначным потворству своим желаниям, Надя была более чем готова сделать первый шаг в нечто совсем новое.

* * *

Надя потерялась. Она никогда не ездила сюда одна. Рядом всегда были родители, с папой за рулем, или Брэндон, и каждый раз они спорили, поэтому она не обращала внимания на маршрут.

Навигатор на ее телефоне настаивал, чтобы она отправилась на другой конец района, и, если она не хотела поцарапать своего любимого Джимми, тащась по сенокосу или фруктовому саду, – чего она совсем не хотела, вот уж спасибо – тогда ей нужно было найти узкую дорогу, которая привела бы ее к простоватому, но не лишенному романтики амбару, в котором можно было отпраздновать лучший день в жизни человека.

– Пожалуйста, – взмолилась она, ни к кому конкретно не обращаясь. Ее семья отказалась поехать с ней, но Надя надеялась, что у какого-нибудь дежурного ангела имелось немного свободного времени, чтобы ответить на ее просьбу. – Где же это место?

Возможно, это был знак, что ей не следует воплощать в жизнь эту нелепую идею? Может быть, ей стоило позвонить кому-нибудь из своих друзей за советом? Но в последнее время она отдалась от всех своих друзей, и ей было стыдно звонить им, чтобы рассказать о том, как она вышвырнула Брэндона, и отменила свадьбу.

Большинство из них притворилось бы, что они потрясены этой новостью, но потом стали судачить за ее спиной, что давно предвидели это. Все, кроме Стиви и Мэди, двух подруг, которые были ей ближе всех. Но Стиви уехала в Техас на летнюю распродажу. А Мэди была недоступна по утрам в большинство выходных, так как проводила выездные занятия йогой в любой студии, которая желала ее нанять, в границах региона Уосатч Фронт.

И все же, Наде пришлось бы, рано или поздно, рассказать своим друзьям об изменениях ее семейного статуса. Однако, сначала ей нужно было успокоиться и привести свои мысли в порядок.

Мэди и Стиви были ее преданными друзьями, но с остальными ей следовало быть осторожной. Большинство из них были их с Брэнденом общими друзьями.

В журнальной статье, заронившей эту идею в ее сознание, демонстрировались фотографии успешных женщин, которые отмечали этот праздник с друзьями и семьей и с гордостью афишировали свой незамужний статус. А также тех, у кого уже были семьи, и те, включая детей, чувствовали свою мать и жену, как королеву.

Надя хотела этого. Она хотела чувствовать себя любимой и обожаемой. И если для этого ей необходимо было предоставить место, еду и музыку для своей семьи и друзей, так тому и быть. В конце концов, она уже заплатила за это.

Раздался звонок, и Надя схватила свой телефон, чтобы проверить сообщения. Может быть, Брэндон решил вернуться и попросить прощения. Она бы его не простила, но ей хотелось получить удовлетворение, сказав «нет». Но посмотрев на экран, Надя не увидела никаких уведомлений. Она взглянула на свои смарт-часы, и тоже ничего. Наконец она обратила внимание на приборную панель и увидела ярко-оранжевую лампочку, указывающую на то, что у нее кончился бензин.

– Мать тво... – пробубнила она.

Она не знала, стоит ли ей повернуть обратно на главную дорогу, попросить помощи и также заправиться. Или просто ехать дальше. Всякий раз, когда это случалось с Брэнденом, мысль о том, чтобы застрять, повергала Надю в панику, но он отмахивался от нее и продолжал поездку просто ей назло. Обычно они приезжали на заправку на последних парах и взвинченные очередным грандиозным скандалом.

Она хлопнула себя по лбу. Почему, господи, почему она так долго его терпела?

Она решила ехать дальше, хотя уже проезжала по этой дороге по меньшей мере три раза, и молодые мамы с колясками и диетической колой в руках подозрительно смотрели на нее из парка.

А потом она увидела облупившуюся деревянную вывеску с надписью: **«Зачарованные сады»**, которая указывала на длинную дорогу, обсаженную деревьями – она не знала, какими именно, – и окруженную полевыми цветами. Поверить невозможно, что в пустыне Юты мог существовать такой оазис. Она медленно двигалась по дорожке, и при виде пруда с лебедями, старого амбара позади него и самой величественной горы в Уосатче впереди у нее перехватило дыхание. Это был рай.

Она совершила миллион ошибок в своих отношениях с Брэнденом, но выбрала идеальное место, чтобы отпраздновать их союз. Теперь она собиралась воспользоваться этим, чтобы отпраздновать свою независимость.

– Спасибо, – поблагодарила она то сверхъестественное существо, которое ответило на ее молитву.

Надя припарковалась между минивэном и черным «субару», который был жутко похож на ее машину, только с калифорнийскими номерами. Ладони покалывало от нервов, но Надя вышла из машины, прежде чем струсила.

Поддавшись порыву, она снова достала помаду. Надя не хотела выглядеть убитой горем женщиной. Она хотела казаться сильной и уверенной в себе, чтобы убедить владельца заведения в том, что двойная кинсеаньера принесет его бизнесу гораздо больше пользы, чем обычная свадьба. Красный оттенок от Селены Гомес всегда заставлял Надю чувствовать себя красивой и сильной, поэтому она аккуратно нанесла его повторно.

Надя почувствовала покалывание в шее, как будто за ней кто-то наблюдал. Она огляделась по сторонам и посмотрела на окна второго этажа амбара, но там никого не было. Пара

лебедей, один черный, а другой белый, скользили по водной глади пруда. Один из них пропел, а другой ответил.

Лебеди находят себе пару всю жизнь; она где-то читала об этом. Даже птицы знали, как выбирать себе партнеров. Сердце снова болезненно сжалось, но она постаралась не обращать на это внимания.

Ее тело трепетало от нервов, под ногами захрустел гравий, и она пробурчала себе под нос несколько ругательств. Надя не любила ругаться, но сейчас были особые обстоятельства, и она как никто другой заслуживала послать все к чертям.

Надя не хотела портить свою обувь, но альтернатива – пойти босиком – была неприемлема. Она хлопнула дверцей машины, напугав лебедей.

– Извините! – обратилась она к птицам, но они даже не оглянулись на нее и продолжали скользить по пруду с высокомерной грацией.

Ветерок из близлежащего каньона приятно обдувал лицо. Она почти спарилась в своих рабочих брюках и шифоновой блузке, но, поскольку лето в Юте было сухим, то в тени, под легким ветерком жара была терпимой. Не так, как в Росарио. Она помнила, как чувствовала себя одновременно бодрой и задыхающейся от местной влажности.

Надя попыталась пройти на носочках, чтобы не исцарапать каблуки о гравий, и, добравшись до мощеной дорожки, вздохнула с облегчением. Там она увидела два знака. Один указывал на офис, а на другом, больше похожем на мини-рекламный щит, было написано: «**Тили-тили-тесто, Люк и Шенни, жених и невеста**».

Вчера, когда об отмене свадьбы еще не было и мысли, она вернулась домой, собираясь предложить Брэндону варианты того, что могло быть написано на табличке для них. У них вошло в привычку обмениваться милыми, слащавыми фразочками по вечерам. Единственный признак романтики, который все еще оставался в их отношениях, и она с нетерпением ждала возможности поделиться тем, что у нее получилось. Сейчас она даже не могла вспомнить, что же это было. Испытав сильное потрясение его изменой, Надя стерла это из своей памяти. Она только знала, что ему понравится. Но теперь все это было напрасно.

Она постаралась изобразить на лице улыбку.

«Играй роль, пока роль не станет тобой» – эта фраза была ее мантрой на протяжении всей жизни, то есть до вчерашнего дня. Но если бы она сообщила ему о том, что придет с работы раньше, то сейчас все еще могла бы заниматься планированием свадьбы в мире грез. Нет. Лучше быть одной, чем несчастной и обманутой.

Надя открыла дверь кабинета и столкнулась с очень симпатичной женщиной примерно ее возраста. Типичная девушка из долины Юты. Кремовая кожа, длинные, роскошные светлые волосы, наращенные ресницы, ухоженная, накаченная ботоксом, загорелая красотка, которую все парни ее поколения желали себе в жены. Сколько раз кто-то из друзей Брэндона говорил Наде, что латиноамериканки – это просто для развлечения? Поэтому Брэндон остался с ней? Надеясь, что будет весело?

Надя покачала головой, чтобы прогнать эти мысли. Она растянула губы в ответной улыбке и спросила:

– Извините, вы здесь работаете?

Женщина кивнула.

– Да, я Кензи Ванлек, а вы кто?

Надя не знала, стоит ли протягивать руку для приветствия, но, почувствовав невидимый барьер, который, казалось, окружал Кензи, Надя скрестила руки на груди.

– Я – Надя Паласио. Я здесь по поводу свадьбы Паласио и Льюиса?

Что-то промелькнуло в глазах Кензи.

– О, – произнесла она. Надя не знала, как воспринимать ее тон.

– Владелец заведения... Он здесь? – Надя оглянулась по сторонам, как дурочка. Можно подумать, старик где-то спрятался и при звуке ее голоса собирался выскочить со словами: «Сюрприз!»

Кензи поджала губы и посмотрела вверх.

– Маркос принимал душ. Он почти оделся. – Она едва сдержала улыбку, видимо, подумав о Маркосе в душе.

Маркос? Не то чтобы обычного парня из Юты, который выглядел потомком скандинавского бога, нельзя было звать Маркосом. Она встречала много Марий, в которых не было ни капли латиноамериканской крови, но все же... В глубине души она надеялась, что они имели в виду одного и того же человека.

Мама Нади всегда говорила: «*Para gusto los colores*», имея в виду, что о вкусах не спорят, но Надю никогда особо не тянуло к мужчинам постарше. То, как Кензи говорила об этом Маркосе, наводило на мысль, что между ними была какая-то связь.

Пожилой мужчина, с которым Надя встречалась в прошлом году, безусловно, мог считаться привлекательным для некоторых женщин, со своими пронзительными голубыми глазами, легкой улыбкой и роскошной копной выующихся светлых волос. Но ему, вероятно, было чуть за шестьдесят, а то и больше.

Она попыталась подавить дрожь, прокатившуюся по ее телу, и ответила:

– Хорошо... Мне подождать здесь, пока он закончит? – Она старалась не представлять себе старика в душе, привлекательного или нет.

Кензи кивнула и указала на роскошное бирюзовое кресло в вестибюле. Надя села и огляделась по сторонам, рассматривая портреты предыдущих пар, все они улыбались.

«Интересно, сколько из них все еще оставались счастливыми», подумала она. А потом упрекнула себя за то, что была такой циничной.

Она увидела фотографии троих детей на столе Кензи. Они выглядели точной копией своей мамы, и ни одной черты старика. Может, эти дети от ее предыдущего брака? Это могло бы объяснить признаки легкой влюбленности, даже при наличии троих детей.

Обычно люди, которые загорались, как рождественская елка, при мысли о ком-то, все еще находились на ранней стадии знакомства или медового месяца, когда, наконец, можно было заняться сексом и ожидалось, что в их ультраконсервативном сообществе долины Юта появятся дети.

Наконец, звук шагов на лестнице возвестил о прибытии этого Маркоса.

Надя поднялась на ноги и повернулась лицом к лестнице. Не этого владельца заведения она ожидала увидеть. Что-то в том, как он двигался, показалось странно знакомым, и в голове Нади зародилось воспоминание. Но если это владелец заведения, то он был слишком молод и хорош собой для...

– ... Папика! – тихо воскликнула она, прежде чем смогла остановить себя.

Мужчина остановился как вкопанный, и белоснежная улыбка появилась на его суперзагорелом лице.

Надя перевела взгляд на Кензи, наблюдавшую за новоприбывшим с тем же выражением, которое Надя видела у католических святых, испытывавших религиозный экстаз. Эта девушка явно хотела кусочек этого...

– А, – произнес мужчина. – Мисс Паласио?

Он подошел к ней и протянул руку для рукопожатия, и когда их взгляды встретились, Надя почувствовала, что перенеслась в прошлое, в те недели в колледже, когда она не встречалась с Брэндоном, поскольку они в очередной раз расстались.

Волшебные недели, когда она была влюблена в парня из легкоатлетической команды, с которым познакомилась в испаноязычном студенческом клубе. Обычно он ждал, пока она выйдет из библиотеки, чтобы просто поболтать, а потом остаток лета... Тем летом она отбросила

всякую осторожность и позволила себе расслабиться, впервые за двадцать лет по-настоящему развлечься.

Этот мужчина, казалось, находился в таком же шоке, словно время остановилось. Его светло-карие глаза расширились, и тень сожаления пробежало по его лицу.

Они оба заговорили одновременно.

– Нани? – спросил он, а Надя произнесла:

– Ракета?

Глава 4

Маркос

Маркос Хокинс совершил много глупостей в своей жизни. Он наравне с другими признавал и осуждал свое безрассудное прошлое. Как-никак, он помогал своей сестре с семейным бизнесом, чтобы заслужить прощение за свои проступки. Но одной из самых больших ошибок в его жизни было то, что он так и не узнал полного имени единственной девушки, с которой познакомился в колледже, и которая свела его с ума и заставила представить, по крайней мере, на мгновение, каково это – остепениться, чего очень хотели его родители.

Они познакомились на вечеринке Испаноязычной студенческой Ассоциации в Университете Юты. Когда он спросил своего соседа по комнате Эрнана Риверу, кем была та длинноволосая девушка с характером, Эрнан предупредил его, чтобы он держался от нее подальше.

– Она девушка Брэндона Льюиса, братан. Ты же не хочешь навлечь на себя неприятности.

Слова Эрнана прозвучали, как вызов. Интерес Маркоса к девушке возрос еще больше. Брэндон Льюис был разыгрывающим защитником, звездой баскетбольной команды, которая выиграла в прошлом году одну восьмую этапа соревнований «Мартовского безумия», но Маркоса несколько не пугала широкая известность его соперника. Настолько широкая, что дошла до собрания испаноязычных студентов, в котором он никогда не участвовал.

Но все же самоуверенность девушки влекла Маркоса. Ее темные глаза сверкали любопытством, и, возможно, из-за того, что он не мог отвести от нее взгляда, она, наконец, заметила его, стоящего у сцены. Он жалел, что легкоатлетическая команда была не столь популярна и обладала значительно меньшим влиянием. Маркос решил, так сказать, забить трехочковый с середины площадки, даже если для броска у него вообще не было никаких оснований. Однако он был оптимистом.

Он призвал на помощь все свое обаяние и улыбнулся. К его радости, она улыбнулась в ответ. И, что удивительно, именно она сделала первый шаг. Не успел он опомниться, как она уже шла в его сторону.

Маркос не был новичком в делах сердечных и наслаждался игрой в погоню. Ему нравилось добиваться девушек, и еще больше, когда девушки добивались его. Острые ощущения от охоты были, по сути, единственным, что ему действительно доставляло удовольствие в отношениях. Но когда она одарила его этой улыбкой, перебросив свои каштановые выющиеся волосы через плечо, его прежние манеры Казановы исчезли в одно мгновение.

– Привет, добро пожаловать на нашу встречу. Я – Нани. Как дела? – Она прильнула к нему и поцеловала в щеку, и он на рефлекс поцеловал ее в ответ. Когда она придвинулась ближе, он притянул ее в короткое объятие, остро ощутив каждый изгиб ее тела.

Маркос не верил в любовь с первого взгляда. Но он верил, что девушка околдовала его этим поцелуем. В противном случае, как объяснить, что годы спустя он все еще помнил аромат ее лимонного шампуня и нежное касание ее пальцев на своем предплечье.

Впервые в жизни он потерял дар речи, и, к сожалению, тут вмешался Эрнан:

– Это Ракета, а ты девушка Брэндона Льюиса, верно?

Презрительный взгляд, отразившийся в ее глазах, заставил Маркоса восхищенно ухмыляться, а в его сердце зародилась... надежда.

– Я ничья девушка, – ответила она, задрав подбородок и расправив плечи. – Зови меня Нани. Я – помощник президента Испаноязычной студенческой Ассоциации, и хочу познако-

миться с каждым студентом, который является ее членом. – Она посмотрела на Маркоса, который был загипнотизирован уверенностью в ее голосе и скрытой силой в ней.

Посещая среднюю школу Лоун Пик, возможно, самую амбициозную школу в долине Юты, он познакомился со множеством преуспевающих девочек, которые, если бы им дали шанс немного повзрослеть, могли бы изменить мир. Некоторые из них продержались лишь до первого лета после окончания средней школы, когда на их пальце появилось кольцо с камнем. Большинство бросили учебу в середине первого курса, когда их мормонские миссионеры, вернувшиеся с миссии, сделали предложение о браке по дороге домой из аэропорта. Но перед ним стояла девушка, которая могла добиться многого, если действительно сохранила бы свою независимость. Если бы она всегда помнила, что никому не принадлежит.

– Привет, Ракета, – сказала она, смеясь. – Расскажи мне о себе.

Они были ровесниками, им только исполнился двадцать один год, но Нани была гораздо более зрелой и собранной, чем он. Он хотел произвести на нее впечатление, поэтому отбросил свою склонность к сарказму и высокомерию и поделился с ней своей мечтой о путешествии по миру в качестве фотографа. Но под давлением семьи ему пришлось выбрать практическую карьеру, такую как деловое администрирование, чтобы помочь своим родителям.

– Я понимаю, – сказала она. – Я всегда знала, что хочу быть юристом, но иногда мечтаю о том, как занялась бы танцами. Или пением. Чем-нибудь творческим, понимаешь? Но мои родители... Я принадлежу к первому поколению, и не могу их подвести.

Эрнан, которому уже наскучил этот разговор, отошел, не сказав ни слова, и направился к компании девушек, танцующих под хищные взгляды наблюдавших за ними парней. Именно под этим предлогом Эрнан затащил Маркоса на встречу: обещанием зацепить латиноамериканских красавиц и переспать с ними. Хотя бы ради удовольствия. Эрнану же нужен был кто-то с гражданством, если он все-таки хотел остаться в стране. Поэтому любовь приходилось отодвигать на второй план.

Но Маркос хотел остаться рядом с Нани. Она была подобна пламени, яркому и тёплому, и он жаждал его, как человек, годами не видевший солнца.

Годы спустя, в свои самые одинокие ночи, лежа в темноте перед рассветом, он понимал, что должен был взять ее за руку и убежать прямо тогда. Проявить храбрость и не дать Брэндону шанс вернуться в ее жизнь, убив непосредственность и нежность, которые сделали Нани той, кем она была.

Но он был напуган ею и испытывал благоговейный трепет. Нани, с другой стороны, казалось, наслаждалась тем, что является объектом восхищения. Хотя она заявила, что хочет познакомиться со всеми остальными на собрании, оставшийся вечер она провела с Маркосом, и в тех редких случаях, когда отходила от него, они искали друг друга с голодом, который ни один из них не мог объяснить.

Они продолжили разговор на парковке, где впервые поцеловались.

Маркос не помнил, кто сделал первый шаг. Он не чувствовал бабочек в животе и не видел пресловутый фейерверк даже во время своего первого настоящего поцелуя в восьмом классе. Но с Нани...

Время замедлило ход и словно замерло. Все, чего он желал – это целовать ее мягкие губы, запускать пальцы в ее длинные волосы, вдыхать аромат ее смуглой кожи. Он никогда раньше не встречался с латиноамериканкой, и, стоило хоть раз вкусить ее сладость, как ему захотелось большего.

На следующее утро они встретились для пробежки в парке, а после вернулись к нему домой и занялись любовью с такой страстью, что заткнули за пояс романтические фильмы. Это был не просто секс, а нечто гораздо большее. Они испытывали духовную связь, но, если бы он сказал это вслух, Эрнан и остальные ребята посмеялись бы над ним.

Они провели вместе все лето, распределяя время между учебой и друг другом. Она посещала летний семестр, потому что добивалась успеха упорным трудом и хотела закончить колледж раньше, а он – потому что завалил первый курс и должен был наверстать упущенное.

Придерживаясь шутки с первого вечера их знакомства, они называли друг друга по прозвищам: Нани и Ракета, и он не стеснялся быть другой, лучшей версией себя только для нее и гордился тем, что для него она оставалась просто Нани.

Но когда осенний семестр был уже не за горами, и имена его друзей украсили вывеску над свадебной площадкой, принадлежавшей его родителям, он встретился глазами с Нани и увидел этот взгляд.

Желание большего.

Она никогда ничего не требовала, даже не спрашивала его фамилию и не интересовалась его прошлым, но он понял, что она хотела узнать. Она заслуживала большего.

Она молча жаждала большего, чего он не мог бы ей дать.

В ней было обещание всего, что только может пожелать мужчина, но Маркос еще не чувствовал себя мужчиной, ему едва исполнился двадцать один год. У нее были далеко идущие планы. Однажды она могла бы стать президентом страны, главой Организации Объединенных Наций, мировым лидером. Она уже была женщиной, которая точно знала, чего хочет.

А он был просто мальчишкой, не имевшим почти ничего за душой.

Назойливый голос в его сознании нашептывал, что он никогда не сможет соответствовать ей. Что, если что-нибудь случится, он станет для нее препятствием. Поэтому, Маркос сделал то, что у него получалось лучше всего. Он сбежал.

Он раздул из мухи слона. Бросил школу, ушел из команды, доказал правоту своего отца, разбил сердце матери и сменил номер телефона.

Но хуже того, он отказался от единственной девушки, которая вызывала в нем желание стать лучшей версией самого себя. Он был слишком напуган этой перспективой и слишком ленив, чтобы даже попытаться попробовать. Поэтому он отправился в кругосветное путешествие, якобы в поисках сокровищ, хотя отлично понимал, что оставил настоящую жемчужину дома.

К тому времени, когда Маркос признал свою ошибку, было уже слишком поздно. Эрнан сказал ему, что она вернулась к баскетболисту. Маркос заставил себя забыть о ней и решил даже не узнавать ее полного имени. И все же, в своих снах он вдыхал запах ее волос и ощущал, как ее пальцы скользят по его спине.

И вот, сейчас он стоял перед ней, как лишившийся дара речи мальчишка, каким был почти десять лет назад.

– Нани, – повторил он, шквал эмоций обрушился на него.

Она кивнула, но не ответила на его улыбку. Ее взгляд был по-прежнему пронизательным, но потерял свой блеск, словно потускнев от ударов судьбы. Он захотел покрыть поцелуями каждый дюйм ее тела, чтобы снова заставить сиять от удовольствия, как делал это раньше в своей узкой постели в колледже. Но эта мысль была абсурдной. Он не имел права даже думать об этом. Он потерял на это право, когда сбежал без объяснения причин.

Маркос застыл как вкопанный и засунул руки, сжатые в кулаки, в карманы брюк.

– Маркос, – проворковала Кензи, подкравшись к нему и положив руку ему на талию. – Если хочешь, я могу помочь мисс Палаццо.

– Паласио, – поправила Нани, и он почувствовал, как Кензи вздрогнула рядом с ним.

Он отошел от своей помощницы, отмахнувшись от ее собственнического и совершенно неуместного жеста, и сказал:

– Иди обедать, Кензи. Я разберусь с этим.

Лицо Кензи залилось багровым румянцем, о котором он только читал в книгах, но никогда не видел в реальной жизни.

– Ну, я просто хотела помочь.

– Ничего страшного, если она останется, – промолвила Нани, обняв себя руками. Казалось, ей и так уже досталось сполна, и ради ее блага он пожал плечами.

– Конечно, Кензи. Я не имел в виду...

Что? Что он хотел остаться наедине с Нани, о чем мечтал годами? Эта Кензи достала его до смерти, но у него не хватало смелости поставить ее на место по двум причинам: он не хотел ее унижать, и, возможно, ему действительно нравилось ее внимание, как бы неправильно это ни звучало.

– Проходите, в смысле, присаживайтесь. – Он указал на мягкие кресла, которые его мать заново обила незадолго до автокатастрофы.

Две женщины сели друг напротив друга, и вместо того, чтобы подсесть к одной из них, он прислонился к столу Кензи и скрестил руки на груди.

– Скажи, что привело тебя сюда. – Он не знал, о чем спросить. Чувствовал себя совершенно не в своей тарелке.

Нани собиралась выйти замуж. Иначе зачем ей быть здесь?

Стоило ему заметить, как она глубоко вздохнула и расправила плечи, у него засосало под ложечкой.

– Я надеялась встретиться с Сарой, чтобы объяснить ситуацию. Мы с Сарой работали над подготовкой к моей свадьбе. Она должна состояться через месяц, но кое-что произошло.

Его сердце екнуло, хотя Маркос старался сохранять бесстрастное выражение лица. Она приехала по поводу своей свадьбы, которая должна состояться через месяц.

Чего он ожидал?

Что она будет ждать его всю свою жизнь, после того как он трусливо сбежал? Она не принадлежала к тем женщинам, которые довольствуются малым, и Маркос сомневался, что за прошедшие годы она сильно изменилась.

– Вообще-то, – сказала Кензи, взяв инициативу в свои руки. – Сара со своей семьей уехала в поездку, а Стюарт, ну, он отсутствует в данный момент, и в ближайшее время его не будет. Маркос теперь главный.

Оставшийся огонек в глазах Нани погас.

Маркосу невыносимо было видеть ее такой опустошенной.

– Три года назад мои родители попали в ужасную автомобильную аварию, в которой погибла моя мать. Отец получил черепно-мозговую травму, которая усугубила раннюю стадию болезни Альцгеймера... Он кое-как держится, но... в последнее время не может работать. У моей сестры возникли личные обстоятельства, поэтому я согласился подменить их на месяц. – Он никогда не произносил всего этого вслух, и даже ему самому его голос казался без эмоциональным и невыразительным. Но каждый раз, когда он думал о своих родителях, которые отправились в долгую поездку в Калифорнию, чтобы навестить его, так как Маркос не хотел возвращаться домой, его сердце разбивалось на части. Они так и не доехали до него.

Нани взяла себя в руки и опустила взгляд:

– Ужасно жаль слышать о твоей потере. Надеюсь, что твой отец скоро поправится.

Он надеялся, что его отец, по крайней мере, узнает его и примет его извинения. Даже если Маркос опоздал на три года.

Нани заерзала на месте и посмотрела на него с такой печалью в глазах, что у него в горле образовался комок.

– Я приношу извинения за любые неудобства, которые это может вызвать, но мое праздничное мероприятие оплачено заранее, и на самом деле... Мне нужно было сообщить вам, что свадьбы все-таки не будет.

Огонек надежды вспыхнул в груди Маркоса, но он попытался погасить его, увидев боль на ее лице, хотя она старалась казаться спокойной.

– Мне жаль это слышать.

– Что случилось? – спросила Кензи, надув губы.

Нани глубоко вздохнула и, похлопав ладонями по коленям, ответила:

– Это личное, но дело в том, что празднования свадьбы не будет.

Маркос заметил свежие царапины на ее безымянном пальце, но кольца не было.

– Мы не возвращаем деньги, – сказала Кензи, прежде чем Маркос успел солгать, что сожалеет об отмене ее свадьбы.

Несмотря на невозмутимый вид, Нани явно была расстроена. Как же он мог испытывать такой восторг, когда эта ситуация причиняла ей столько душевной боли? Но правда заключалась в том, что впервые после ужасного известия о несчастном случае с его родителями он почувствовал себя в какой-то мере живым.

И все же, пусть Нани не собиралась выходить замуж, но свадебный бизнес терпел убытки. Даже при желании Маркос не смог бы предложить вернуть деньги. Он обещал Саре, что никаких проблем не будет. Вот опять, Маркос Хокинс слишком много наобещал. Но на этот раз он в буквальном смысле не мог позволить себе нарушить свои обещания.

– Я понимаю, – произнесла Нани. – И проблема заключается в том, что все мои родственники из Аргентины и других частей света уже договорились о своем участии. Поверьте, я знаю, что свадьбу нельзя отменить так же легко, как расторгнуть помолвку.

Несмотря на ее слова и судя по волнам печали, исходившим от нее, Маркос сомневался, что разрыв помолвки дался ей легко. Нани сложила руки на коленях, но ее пальцы дрожали. Она прикусила нижнюю губу, и красный цвет был таким сексуальным. У него возникло глупое желание заключить ее в объятия, защитить и любить, но этот поезд ушел давным-давно.

– Что же вы тогда предлагаете? – резко спросила Кензи.

Маркос бросил на нее многозначительный взгляд, и она добавила более сдержанным тоном:

– Я имею в виду, чем мы можем вам помочь?

Нани сглотнула и улыбнулась. Она открыла рот, но не издала ни звука. Маркос никогда не видел, чтобы она с трудом подбирала слова, поскольку была самым красноречивым человеком, которого он когда-либо встречал. Наконец, она открыла свою сумочку от Louis Vuitton и достала свернутый журнал. Нани нервно пролистала страницы, а затем положила журнал на маленький кофейный столик, который отделял ее от Кензи.

Маркос и Кензи наклонились к журналу. Заголовок статьи гласил: **«Двойная кинсеаньера – новый модный тренд, которому пророчат долгое существование»**.

Там были фотографии торжеств с розовыми воздушными шарами, пышными платьями и множеством улыбающихся счастливых лиц.

Нежность наполнила сердце Маркоса. Этого на самом деле хотела Нани? Это скрывалось за ее маской супергероя?

Щеки Кензи снова зарделись, и она выпалила:

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к нам. Мы занимаемся свадебным бизнесом, а не празднованием дней рождения.

Нани кивнула.

– Я это понимаю. Но кинсеаньера – это не просто вечеринка по случаю дня рождения. Это празднование совершеннолетия молодой девушки, которую представляют обществу.

– Вы уже не юная девушка, – возразила Кензи.

Понимала ли она, насколько стервозным звучит ее голос?

– Я в курсе, спасибо.

В комнате стало прохладно.

Нани продолжила:

– На самом деле, я добившаяся больших успехов женщина, которой вот-вот исполнится тридцать лет.

На лице Кензи отразился шок.

– Тридцать? Вы не выглядите такой уж старой...

– Тебе тоже тридцать, – отметил Маркос.

– Я – мать, – ответила Кензи, как будто рождение троих детей наделило ее нестареющим статусом, который ставил ее выше любой другой женщины, включая Нани.

– Мне исполнится тридцать на следующий день после моей первоначально назначенной даты свадьбы. Я решила, что вместо того, чтобы все отменять – и поскольку я уже оплатила за место проведения, включая еду, торт и развлечения, – я бы воспользовалась этим, чтобы отпраздновать свое тридцатилетие, мои две «пятнашки».

Кензи поджала губы, постукивая пальцем по подбородку. Без сомнения, что-то прикидывая в уме.

– Я думаю, это замечательная идея, – сказал Маркос, и Кензи бросила на него обиженный взгляд, как будто он ее предал.

– Нам нужно поддерживать репутацию, – возразила она. – Мы специализируемся на свадьбах, а эта вечеринка похожа на... – Она взмахнула руками, как будто пыталась подобрать из воздуха подходящее слово. – Как анти-свадьба, вы понимаете, что я имею в виду? – воскликнула она. – Мисс Паласио, есть и другие места, где можно устроить вечеринку по случаю вашего дня рождения. Я знаю, что в Солт-Лейк-Сити или Прово есть торжественные залы, где устраивают подобные испаноязычные торжества. Возможно, один из них сможет принять вас, поскольку в вашем договоре ничего не сказано о том, что вы можете изменить характер мероприятия?

Повисшая тишина была оглушительной, и Маркос заметил перемену, произошедшую с Нани. Он снова почувствовал себя влюбленным двадцатилетним юношей, который испытывал благоговейный трепет перед силой, исходящей от этой женщины.

– Я отлично осведомлена о наличии заведений, которые специализируются на кинсеаньерах, или, как вы выразились, испаноязычных мероприятиях. И, как вы еще упомянули, в договоре о проведении свадебного мероприятия нет ничего, что косвенно запрещало бы мне менять характер моей вечеринки. Я заплатила за это место. И мне решать, что произойдет на моем празднике.

Кензи выглядела загнанной в ловушку, и Маркосу стало ее жаль, но почему она так настойчиво отказывала Нани в ее просьбе?

– Послушай, Кензи, – сказал он. – Ты знаешь о нашем положении. Мы не можем вернуть мисс Паласио деньги, и, как она отметила, мы не можем запретить ей устроить свою вечеринку здесь. Она уже заплатила полную сумму. Кроме того, возможно, это расширит бизнес?

– Расширит куда? – парировала Кензи. – Марк, подумай о наследии твоей мамы...

Маркос сжал зубы. Его бесило, что Кензи ссылалась на его мать и ее наследие так, будто хорошо знала ее. Но потом ему пришла в голову мысль, что Кензи более пяти лет очень тесно работала с мамой. Быть может, она знала Монику Хокинс лучше, чем ее собственный сын.

Нани взяла свой журнал и произнесла:

– Маркос, я оставляю вас с женой, чтобы обсудить детали...

– Жена? – воскликнули они с Кензи одновременно, хотя выражения их лиц сильно отличались друг от друга. Кензи залилась нежно-розовым румянцем, и ее лицо озарила улыбка, а Маркос почувствовал себя так, словно Нани ударила его под дых.

– Ой, – выпалила Нани, заметив ужас Маркоса. – Вы не... вместе?

– Нет, – ответил Маркос, не дав Кензи испортить его имидж перед Нани еще больше.

Повисла тишина, и Маркос пожалел, что может повернуть время вспять.

Ему нужно было разрядить обстановку.

– Возвращаясь к наследию моей мамы, о котором ты упомянула, ты ведь знаешь, что у нее была кинсеаньера в Уругвае? – поинтересовался он.

Кензи покачала головой.

– Нет, не знаю. Я не понимаю, что отмечают во время этой кинсе, как ее там? Типа шестнадцатилетия?

Встав с кресла, Нани вздохнула.

– Это намного значительнее. Я не ожидаю, что вы измените модель своего бизнеса и начнете обслуживать испаноязычное сообщество. – Маркос услышал испанские нотки. – Но, знаете, это может стать решающим моментом для фирмы. В любом случае, я рада, что мы прояснили то, что наш договор не запрещает мне устраивать здесь свою вечеринку.

Она посмотрела на Маркоса, и его сердце затрепетало.

– Я перешлю тебе несколько изменений, таких как, надпись на вывеске и украшения. Я понимаю, что мне, возможно, придется понести дополнительные расходы. К счастью, я состоявшаяся, независимая женщина, и это не будет проблемой.

С этими словами она развернулась и вышла из кабинета.

Глава 5

Надя

Наде хотелось бежать из этого места, но больше всего на свете она желала сохранить свое достоинство. Она не могла сделать одно, не потеряв другое, поэтому неспешно направилась к выходу.

Снаружи безжалостно палило солнце. Подул легкий ветерок, и она развела руки в стороны, чтобы высушить выступивший от нервов пот.

Просто отлично.

Испорченная свадьба, расторгнутая помолвка и конфронтация с единственным мужчиной, который мог разрушить всю ее жизнь, сделали то, чего она избегала годами. То, что, по ее мнению, она давно преодолела: нервное потоотделение, которое обжигало кожу и оставляло белые пятна на одежде.

Когда они с Брэндоном были очень молоды и поссорились, а потом помирились, он подколол ее по поводу нервного пота, который портил одежду. Она усердно готовилась к экзамену, и он расстраивался, что у нее не оставалось сил заниматься сексом в два часа ночи. Однажды она уступила. Конечно, что угодно, лишь бы избежать новой ссоры, которая поставила бы под угрозу ее отношения. Тогда он пошутил, что ее ядовитый пот служил доказательством того, что у нее вместо крови кислота, и это объясняло ее вспыльчивость и напористость.

Она рассмеялась, но его едкие слова разрушили и без того низкую самооценку, за которую она цеплялась в течение тех трудных месяцев. И когда на следующий день она сдала экзамен, у нее даже не было сил праздновать.

Но теперь она стала умнее. Она гордилась собой за то, что дала отпор этой женщине, Кензи, и ее колкостям по поводу испаноязычной культуры и праздников.

Надя пихнула ключ в замочную скважину и отперла свою машину. Батарейки в пульте управления сели несколько месяцев назад, и она не могла заменить их, потому что шуруп на крышке отсека для батареек был слишком старым и ржавым.

«Может, стоит воспользоваться парой капель пота с подмышек», – самокритично подумала она, но вместо смеха у нее разболелась голова.

Она села в душную машину и повернула ключ зажигания.

Машина заурчала, затарахтела и заглохла.

– Эй, только не сейчас.

Ей ведь нужно было достойно удалиться. Она же сказала на прощание, что была успешной, состоятельной женщиной?

Надя поморщилась.

Именно такими словами бросался Брэндон, когда не мог добиться своего.

– Разве ты не знаешь, кто я? – рычал он или говорил сквозь стиснутые зубы.

Она терпеть не могла, когда он пытался вести себя заносчиво, и все потому, что много лет назад его признали одним из самых многообещающих подростков долины Юты.

На юридическом факультете она была второй по успеваемости из всего потока, но ее родители считали это вторым местом. Она почти никогда больше не вспоминала об этом, кроме тех случаев, когда ее самооценка падала ниже плинтуса. Как сейчас.

Она попыталась завести машину еще раз, но двигатель не подавал признаков жизни.

«Не настаивай», – услышала Надя голос в своем сознании. – *«Зажигание может сгореть!»*

– Ну почему, почему сейчас? – воскликнула она, борясь с желанием стукнуться головой о руль.

Она же видела, как замигал предупреждающий значок, но не хотела останавливаться для заправки. Надя решила заправить машину после встречи. Она никогда раньше так не рисковала и единственный раз, когда это сделала, то села в лужу.

Где справедливость в жизни?

Ее автомобиль заявил: «Хватит меня игнорировать!» И вот Надя допрыгалась. Застряла в машине без бензина.

Какая метафора для ее жизни!

Не замечать знаков, пока не станет слишком поздно.

То же самое было и с Брэндоном.

В животе заурчало, будто напоминая, что ее уже несколько недель мучают спазмы.

Сколько еще пройдет времени, когда ее тело, наконец, тоже сдастся?

Кого она обманывала, пытаясь изобразить нестигаемую личность, когда внутри чувствовала себя как размякший зефир?

Она была уверена, что эта цыпочка, Кензи, и парень ее мечты, Ракета, смеялись над ней, направляясь обратно в душ или чем там они, черт возьми, занимались в перерывах между клиентами.

Надя отбросила эту мысль прежде, чем она переросла в нечто большее.

Во-первых, ей не стоило даже думать об этом парне как о ее Ракете. Его звали Маркос. Она не собиралась больше никогда произносить его прозвище вслух.

Назвать его Ракетой на публике стало бы унижением, от которого она никогда не оправилась бы.

Ей стоило позвонить кому-нибудь и попросить о помощи.

Первой, о ком она подумала, была Изабелла.

Надя знала, что ее сестра проявит сочувствие в данной ситуации и придет на помощь, поскольку кончающийся бензин был их общим кошмаром.

Она набрала ее номер.

Звонок перешел в голосовую почту, но, когда Надя собиралась оставить сообщение, она увидела, как на экране высветился номер ее сестры. Она испытала такое облегчение, что чуть не расплакалась.

Надя попыталась заговорить, но не смогла вымолвить ни слова и судорожно вздохнула.

– Ты в порядке? – с заботой в голосе спросила Изабелла.

Надя жалела, что не может прижаться к сестре и попросить решить все ее проблемы. Касающиеся не только машины. Нет. И всего остального тоже. Вся ее жизнь вышла из-под контроля.

Прежде чем разрыдаться, она вспомнила, что все еще находится на парковке. Насколько она знала, Кензи могла наблюдать за ней из окна. Кроме того, Надя хотела показать сестре, что держит все под контролем. Что не сдается. Потому что, несмотря на всю их сестринскую поддержку, Изабелла с высокой долей вероятности могла бы поделиться сплетнями с мамой, и они позвонили бы матери Брэндона, и тогда он вмешался бы, и...

Нет.

Она должна была сама справиться со сложившимися обстоятельствами.

– Белла, – произнесла Надя, с гордостью заметив, что ее голос даже не дрогнул. Кто-то закричал на заднем плане, и она вспомнила, что ее сестра была на бейсбольном матче Ноя. В любом случае, она дозвонилась до сестры, так что теперь должна была спросить. – Ты решишь, что я хуже всех. Снова. Но впервые в жизни у меня кончился бензин. Ты где? Не могла бы ты мне помочь?

Изабелла вздохнула, и Надя почувствовала, что краснеет.

Но Изабелла ее не осуждала. Это было очевидно из ее слов:

– Я не могу. Я в Солт-Лейк-Сити. А ты где?

– В Маунтинвилле, – ответила Надя.

Они одновременно вздохнули.

– Поверь, – добавила Изабелла. – Больше всего на свете я хочу убраться с этой ужасной жары, но тебе, возможно, лучше позвонить в службу помощи на дорогах. Или что насчет Мэди?

– Она на занятиях по йоге.

– А Стиви?

– В Техасе, – ответила Надя.

Наступило недолгое молчание, и Изабелла тихо прошептала:

– А Рарі?

Надя не хотела звонить отцу по этому поводу.

– Ничего страшного, – сказала она. – Я позвоню в службу помощи на дорогах. – Прежде чем повесить трубку, она добавила. – Слушай, Иза... – Она колебалась, не хотела дважды услышать отказ, но решила рискнуть и проявить уязвимость. *«Брене Браун¹⁶ гордилась бы мной»*. – Не хочешь заехать сегодня вечером? Мне нужно поговорить по душам. – Она произнесла это с фальшивым английским акцентом, к которому они прибегали, когда были маленькими и играли в чаепитие с королевой.

Ах, эти славные дни притворства, в течение которых она научилась всем своим самым вредным защитным механизмам!

– Молодец, Раріто¹⁷! – воскликнула Изабелла, оглушив Надю своим визгом. Надя отняла телефон от уха, но было уже поздно, барабанной перепонке придется восстанавливаться в течение нескольких дней.

– Ой-ой, – охнула Надя, переложив телефон на другую сторону и потирая пальцем поврежденное ухо.

– Прости, Ноа только что совершил «хоум-ран». Базы заняты. – Энтузиазм ее сестры был неподдельным, и Надя не хотела портить момент.

– Ура, – произнесла она, размахивая воображаемой трещоткой. А потом рассмеялась.

– Я заеду сегодня вечером. Хорошо? – спросила Изабелла.

Ладно. Она могла справиться. При поддержке своей сестры она могла бы наладить свою жизнь.

Какой же долгожданной была эта перемена.

– Хорошо, мне нужно свалить с этой парковки. Ты никогда не догадаешься, кого я видела, – сказала она.

– Давай, Раріто! – Изабелла снова закричала, и на этот раз Надя не успела отодвинуть телефон от уха.

Она лишилась и второй барабанной перепонки.

Сестры попрощались, и Надя набрала номер Стиви. Пусть та находилась в Техасе, но ее подруга знала бы, что делать. Стиви, которой всегда удавалось продать больше систем сигнализаций или контрактов на борьбу с вредителями, чем любому парню из ее команды, которая неделями занималась экстремальным прохождением каньонов, а потом прыгала с парашютом, летала на парашюте, каталась на лыжах и бегала, как будто в этом не было ничего особенного. Она бы знала, что делать. У нее были друзья по всему миру, и она могла знать кого-то, кто мог бы помочь Наде.

¹⁶ *Брене Браун* (Brene Brown) – Американская писательница, профессор Хьюстонского университета, магистр социальной работы, доктор философии. Ее исследования и книги посвящены вопросам, связанным с чувствами стыда и уязвимости, а также с храбростью и полноценностью жизни.

¹⁷ Раріто (с испан...) – красавчик.

Через несколько секунд она получила стандартный автоматический ответ: **«Извините. Я не могу сейчас говорить».**

А затем появились три точки.

Надя прикусила губу в ожидании.

Снова взглянув на телефон, Надя прочитала:

«Ухжу. Пгврим пзже?»

Бормоча вслух, Надя перевела:

– Ухожу. Поговорим позже?

Кнопка «О» на телефоне Стиви стала западать с их последней поездки на озеро Пауэлл прошлым летом, когда та настойчиво утверждала, что ее телефон водонепроницаемый. Стиви была еще большим трудоголиком, чем Надя, и у нее не было времени заменить свой телефон.

Надя усмехнулась, подняв большой палец вверх. Кто ее знает, может, Стиви Цой отвечала на ее сообщение, когда поднималась на одну из семи высочайших вершин мира. Она была полной противоположностью их другой подруге, волшебной неземной Мэдисон Рамирес, которая только что нашла идеального парня и собиралась провести с ним остаток своей жизни.

Наде пришлось признаться, что она завидовала Мэди, хотя старалась этого не делать. Мэди была инструктором йоги, девушкой, совершенной во всем. Ее жизнь была идеальной. Она была нежной и энергичной, как луч солнца. Может быть, у Мэди все сложилось так, как она хотела, потому что в прошлой жизни она была святой...

В таком случае, каким человеком была Надя в других жизнях, раз заслужила столько страданий?

Вселенная ответила еще одним урчанием в животе.

– Что мне теперь делать? – произнесла она вслух.

Надя ни разу не звонила в службу помощи на дорогах. В этом не было необходимости. Она умела менять колеса, доливать жидкость для стеклоочистителей и прикуривать севший аккумулятор.

Но она не умела создавать бензин из стыда и испарений или даже из своего «ядовитого» пота.

Она попыталась завести машину еще раз. Все было бесполезно.

Вздыхнув, она вышла из машины и порылась в багажнике – единственном месте, где она позволяла себе беспорядок. Наконец, под грудой бумаг она нашла небольшую канистру для бензина.

Надя поискала в телефоне ближайшую заправочную станцию. Она проезжала мимо нее по дороге. Ей следовало остановиться и заправиться, но она не хотела опаздывать на встречу с мистером Хокинсом.

А потом. Она ждала, пока он выйдет из душа.

Ей хотелось кричать.

Почему она так плохо разбиралась в знаках?

Заправочная станция располагалась всего в миле от особняка, но на Наде были дорогие туфли от Джимми Чу. Подъездная дорожка была вымощена булыжником и гравием, и к тому времени, как Надя дошла бы до основной дороги, кожаные каблук оказались бы изодраны в клочья.

Возможно, она могла бы вызвать Uber туда и обратно?

– Тебе нужна помощь? – спросил мужчина у машины рядом с ней.

– Раке... – вскрикнула она, резко обернувшись. – ...та.

Черт.

Она вообще не слышала, как он подошел к ней.

Она прикусила губу, лицо горело от смущения, но подняв на него глаза, Надя натянула на лицо уверенную улыбку.

– Привет... – она снова чуть не сказала «Ракета».

Она забыла его имя.

Проклятье!

Он искренне улыбнулся, и от взгляда его шокирующе светло-карих глаз ее сердце затрепетало, словно пойманная на крючок рыбка. Она почувствовала влагу... там, и взмолилась, чтобы это были не месячные. Ей нужно было воспользоваться уборной. Ее тело превратилось в дурацкую бомбу замедленного действия.

– Тебе нужна помощь... Нани? – переспросил он, очевидно, тоже не вспомнив ее имени.

Она испытала тихий восторг, от которого которого странно и сладко потянуло вниз живота.

– Надя, – поправила она, и ее слова прозвучали слишком резко, но, опять же. Ей ведь теперь нужно было установить какие-то жесткие границы? – Меня зовут Надя Паласио.

– Привет, Надя Паласио, – повторил он, протягивая руку для рукопожатия. Если бы она не была брошенной невестой, то упала бы в обморок от того, как он произнес каждый слог ее имени. Нет, она не была брошенной. Это она разорвала помолвку. Она являлась хозяйкой положения. Не так ли?

– Я – Маркос Хокинс. – Он подошел к ней и пожал ей руку. – Приятно снова встретиться с тобой, Надя. Это знакомство как будто... запоздало на десять лет. – Когда он улыбался, на его щеках появлялись ямочки. Его жилистые руки были покрыты золотисто-каштановыми волосками.

Надя вдруг осознала, что пятна пота под мышками, должно быть, очень большие, и прижала руки к туловищу.

– В моей машине кончился бензин, – призналась она, показывая ему канистру. – У тебя случайно нет немного?

Она огляделась по сторонам, как будто надеялась увидеть бензоколонку. Разве планировщики свадеб или кем бы он там ни был в этой индустрии, не должны были быть готовы к любой чрезвычайной ситуации?

Но из карманов его обтягивающих джинсов не торчали заправочные пистолеты. Вместо этого он держал в руке ключ, который выглядел точно таким же, как ключ от ее машины. Ведь их автомобили были одной марки, модели и цвета. Вот уж совпадение.

– Я отвезу тебя на заправку, – предложил он.

– Э, нет, – ответила она, впадая в панику от перспективы провести время наедине с ним в маленькой машине. Она знала, на что он способен в ограниченном пространстве.

«Или на что был способен», напомнила она себе. Прошло десять лет, но, судя по охватившему ее возбуждению, ее тело, черт побери, ничего не забыло.

Надя показала ему свой телефон.

– Я вызываю Uber. Я как раз собиралась... нажать на эту кнопку, когда ты появился.

Он прищелкнул языком и сел в свою машину.

– Ну же, Нани, – позвал он, – ты испортишь свои красивые туфельки. Кроме того, к тому времени, как Uber доберется сюда, мы вернемся, и ты будешь уже в пути.

Надя снова прикусила губу. Она была очень взволнована тем, что он назвал ее Нани, как будто это ничего не значило. Снова услышав свое прозвище из его уст, она почувствовала, как в ее животе запорхали бабочки. Эти сочные губы, которые он облизал. Она заметила, что они потрескались. В прошлом его губы тоже всегда были потрескавшимися.

Он заметил ее взгляд на своих губах и сказал:

– Сухость. Я еще не привык к ней. Уже несколько дней моя кожа трескается и шелушится, как у ящерицы.

Она порылась в сумочке, достала тюбик бальзама для губ и протянула ему.

– Он запечатан, – сказала она на всякий случай. – Я им не пользовалась.

Он рассмеялся.

– Я знаю значение слова «запечатанный», пепа. И спасибо.

– Услуга за услугу, – ответила она и пожала плечами, отмахнувшись от улыбки благодарности.

Маркос распечатал тюбик и вытер рот, прежде чем нанести толстый слой бальзама. Вишнёвый аромат гигиенического бальзама для губ, смешанный с ароматом ананаса от освежителя воздуха в машине, заставил ее снова почувствовать себя молодой девчонкой.

– Спасибо, – сказал он. – Мои губы снова можно целовать.

Прежде чем Надя запротестовала или передумала, он завел двигатель. В этот момент Кензи вышла из офиса и направилась к белому минивэну. Поймав взгляд, который Кензи бросила в их сторону, Надя испытала радость, что на ней был браслет-оберег от сглаза.

Маркос, ничуть не смутившись, опустил стекло и выкрикнул:

– Увидимся позже, Кензи!

– До встречи! – ответила та бодрым голосом, но глаза Кензи, смотревшие на Надю, которая забралась на пассажирское сиденье, обещали войну.

Надя усмехнулась. У нее не было времени на такого рода конфликты. Ее не волновало, что происходит между Маркосом и Кензи, и теми тремя ангелочками, отцом которых точно был не Маркос.

Чьи же они тогда?

И что Надя делала в машине Раке... Маркоса?

О чем она только думала?

А чем сейчас занимался Брэндон? Скучал ли он по ней? Его это вообще волновало?

Маркос отъехал с парковки.

Надя держала канистру для бензина на коленях. Она постукивала ногтем по пластику, как будто задавала азбукой Морзе все вопросы, которые крутились у нее в голове.

– Нет, – сказал Маркос, сворачивая за угол. – Между нами ничего нет.

– Нами? – повторила она, застигнутая врасплох его признанием.

– Нами? – переспросил он, сбитый с толку. – Между Кензи и мной. – А потом его лицо посерьезнело. – Но да, между тобой и мной тоже. Между нами тоже ничего не было.

Это была правда. На протяжении многих лет между ними ничего не было. Но все равно, его слова причиняли боль. Она чувствовала себя так, будто ее в очередной раз отвергли. Как, когда она поняла, что Брэндон ее не любит.

Брэндон, который пытался морочить ей голову, но Ракета уехал без объяснения причин.

Он был для нее всем...

В смысле, Брэндон. Брэндон был для нее всем, а Ракета... он был интрижкой... развлечением. Теперь она это знала. Она не позволила бы соблазнить себя его длинными волосами, сильными руками и обольстительными губами. Даже сейчас, когда они были увлажнены.

Надя откашлялась, пытаясь взять себя в руки. Она не хотела показаться потерянной перед этим мужчиной.

– Что значит между нами ничего не было? – спросила она помимо своей воли. Внутри она закипала от злости. – Мы даже говорили о том, чтобы жить вместе, и однажды утром ты просто исчез.

Воспоминание о том горе, которое она испытала, когда поняла, что он бросил ее, причиняло ей гораздо большую боль, чем десять лет назад.

Он пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

– Это было к лучшему.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, придя в ярость.

– Ты вернулась к баскетболисту. Собиралась выйти за него замуж, верно? Так что, мне кажется, это служит достаточным доказательством того, что мы были не более чем...

Он замолчал, словно давая ей возможность возразить ему, либо что-то добавить, но она не собиралась облегчать ему задачу. Пусть даже он оказывал ей услугу.

– Не более чем хорошее воспоминание, – продолжил он с тенью улыбки. Она заметила, как много эмоций промелькнуло в его глазах. *Por Dios!*¹⁸ Его голос был таким бархатисто-мягким, что у Нади защипало глаза, когда она поняла, насколько дорогими и особенными должны быть воспоминания для него, чтобы он все еще говорил о них с такой нежностью.

– Это были хорошие времена, – добавил он.

Через пару секунд она произнесла:

– Так и было.

Черт.

Она не могла поверить, что сказала это вслух. Должно быть, она потеряла голову от горя и изнеможения. Но лучше всего была его реакция.

Его лицо было создано для музеев. Оно должно было красоваться по всей стране на рекламных щитах, которые предостерегали женщин от похитителей сердец и здравого смысла. Если бы она не была научена горьким опытом, если бы не поклялась показать миру, что стала независимой женщиной, которая может выжить без мужчины, если бы не питала крошечную надежду, что Брэндон вернется к ней, будет умолять ее передумать и сыграть свадьбу, тогда бы она влюбилась в улыбку Ракеты и послала все свои решения, ложные надежды и ожидания к черту.

Наконец, они подъехали к заправочной станции.

– Вот мы и приехали, – сказал он, открывая дверцу машины.

Сексуальное напряжение, пульсирующее в машине, было почти осязаемым, но, к счастью, порыв свежего воздуха развеял его, как перья на ветру. Она уже давно не чувствовала такого возбуждения, но все ее тело трепетало от желания. «*Отзывалось на него*», голос Мэди мысленно поправил ее.

Легкий ветерок в очередной раз пришел ей на помощь, остудив ее желание.

Она вышла из машины и встала перед колонкой.

– Ты в порядке? – он спросил с таким беспокойством в голосе, что она не знала, как реагировать.

– Конечно, я в порядке, – ответила она, взволнованно оглядываясь по сторонам, тем самым доказывая обратное. Ей неприятно было осознавать, что этот мужчина знал ее больше, чем жених, с которым она жила много лет.

– Ты знаешь, как это делать? – Его голос по-прежнему звучал участливо.

Она бы предпочла насмешку или флирт. Участие было сродни жалости. А жалость она не могла принять.

– Да. Я знаю, как наполнить бак, дурачок.

– Следи за напором. Канистра всего двухлитровая, а эта колонка имеет быструю подкачку, – предупредил он.

Она глубоко вздохнула и нахмурилась.

– Я знаю, что делаю. Спасибо.

– Хорошо, – произнес он, кивнув. – Тебе что-нибудь купить в магазине?

Она хотела вишнево-ванильный диетический Доктор Пеппер, но не желала оставаться у него в долгу, поэтому отрицательно покачала головой, и после секундного колебания он направился внутрь заправочной станции.

– Ну же, – упрекнула она себя. – Поторапливайся, Паласио!

Будучи послушной, даже своему властному альтер-эго, она обошла машину, цокая каблучками по бетону, и осторожно поставила канистру на землю, как указывала табличка у колонки.

¹⁸ *Por Dios!* (с испан.) – ради бога!

Надя наклонилась и тут же выпрямилась, когда кто-то присвистнул у нее за спиной. Она резко обернулась и увидела трех подростков в старомодном джипе, доверху набитом туристическим снаряжением. Эта заправочная станция находилась прямо в устье каньона Американ-Форк, и люди со всего мира съезжались сюда, чтобы насладиться захватывающим дух пейзажами, в том числе всемирно известными пещерами, в которых она не была со времен экскурсии в восьмом классе.

– Эй! Ах вы, сопляки! – крикнула она, и мальчишки притворились, что ничего не сделали.

С пылающими щеками Надя наклонилась, чтобы наполнить канистру. Она присела на корточки и осторожно нажала на дозатор, бензин потек по стенкам канистры из красного пластика. Надя чувствовала на себе взгляды мальчишек, которые украдкой посматривали на ее знаменитую задницу Джей Ло, прозванную так семьей, и волосы на ее затылке встали дыбом. Она немного отодвинулась в сторону, чтобы не испортить обувь еще больше. Почему она не позволила Ракете помочь?

Ракета. Ей нужно было перестать использовать это прозвище даже в мыслях. Оно лишь пробуждало воспоминания, настолько пыльные, что она могла подвергнуть опасности весь город здесь, на заправке, своими страстными мыслями.

Надя всмотрелась в витрину магазина, Ракета стоял в очереди с парой напитков и чем-то еще, чего она не могла видеть. Ей снова захотелось холодной газировки с кофеином. Брэндон всегда высмеивал ее иррациональную любовь к Доктору Пепперу. Она рассказала ему, как в одиннадцать лет ей нравился сладкий вкус напитка, которого никто дома, в Аргентине, никогда не пробовал.

Мысли о Брэндоне в очередной раз заставили ее вспотеть – теперь уже от ярости.

Она опять так сильно разозлилась на него, что испытала глупый страх воспламениться, а затем устроить взрыв, разрушить весь мир и сжечь его дотла. Весь мир, за исключением Брэндона, конечно, которого никогда не было рядом, чтобы увидеть, какой бардак он оставил после себя.

– Ладно, остынь, – буркнула она себе под нос и убрала палец со спускового крючка пистолета, прежде чем бензил полился через край. Тем не менее, несколько капель попали на большой палец, и она инстинктивно вытерла их о брюки.

Теперь от нее вечно будет вонять бензином. О чем она только думала?

Она завинтила крышку, а потом собралась пойти заплатить за бензин и с ужасом поняла, что у нее нет сумочки. Та все еще лежала в ее машине.

– Дер... – воскликнула она как раз в тот момент, когда Ракета направился в ее сторону.

Ей хотелось затопать ногами и закатить истерику, как двухлетний ребенок. Вот только подростки все еще оставались у нее за спиной.

– Все в порядке? Готова ехать? – спросил Маркос.

Она обернулась, ее щеки пылали огнем.

В глазах Маркоса отразилось беспокойство, стоило ему увидеть выражение ее лица. В руках он держал пластиковый пакет, набитый всякой всячиной.

Она на секунду закрыла глаза. В ушах зазвенело. Или, может, это были мальчишки-подростки, которые шептались позади нее, о чем они говорили?

– Что случилось? – спросил он, повысив голос, его взгляд метнулся за ее спину к парням.

– Хм-м-м, я оставила свою сумочку в машине, – сказала Надя, и вспомнила, как однажды в восемнадцать лет призналась Брэндону, что забыла принять таблетку тем утром. Стыд все еще снес ее.

Между ними повисло напряженное молчание. Ее сердце бешено колотилось в груди.

– Ладно, – ровным голосом произнес Маркос, вытаскивая бумажник из кармана. – Я заплачу. Это всего лишь три доллара. Не как тем летом, когда бензин стоил почти пять долларов за галлон, помнишь?

Она не помнила ничего подобного, но оценила его поступок. Он не только согласился заплатить за нее, но и не вел себя как придурок по этому поводу.

Если бы Мэди узнала, о чем она думает, то сказала бы: «Милая, твоя планка не придурковатого поведения очень низкая».

Надя согласилась бы с ней.

– Я переведу тебе деньги, – сказала она и прикусила губу, выдыхая напряжение, от которого по телу побежали мурашки. – Как только мой телефон... зарядится.

– Нет проблем, На... дя, – снова оговорился он.

Он отвел взгляд в сторону, и его смущение от того, что он чуть не назвал ее Нани, развеялось, как будто его никогда и не было. Позже Надя вспоминала этот момент и удивлялась, как выражение лица человека может измениться, преобразив его в мгновение ока. Сначала, засияли его глаза, и в уголках появились тоненькие морщинки. Затем это сияние коснулось его губ, растянувшихся в улыбке, а потом он начал посмеиваться. Вскоре смех уже был безудержным.

Он поставил переполненный пакет на землю и схватился за живот.

– В чем дело? – спросила она и не смогла удержаться от улыбки, потому что его смех был таким заразительным.

Мальчишки позади нее тоже начали смеяться. У Нади возникло мучительное подозрение, что Ракета смеется над ней. Внезапно разозлившись, она обернулась, и самый высокий из парнишек, веснушчатый азиат, кивнул.

– Некоторые рождаются счастливыми. Я надеюсь, что мне тоже повезет в будущем.

– Аминь! – поддакнули двое других и отсалютовали Ракете.

– Что? – спросила она, поворачиваясь к нему. – Ты их знаешь?

Маркос провел ладонью по лицу, и по напряжению в его голосе, видно было, что он изо всех сил пытается сдержать смех.

– Кай иногда помогает на мероприятиях. А что?

– О чем это они говорили? – тихо спросила она, в ее голосе сквозила печаль. На самом деле она хотела сказать: «Только не говори мне, что они смеялись надо мной. Я знаю, что сейчас не в лучшей форме. Я это прекрасно понимаю, и не хочу, чтобы кто-то еще указывал мне на это».

Ракета, казалось, услышал просьбу, скрывающуюся за ее вопросом. Он ласково улыбнулся ей.

Что же такого особенного было в этом парне, что одна его улыбка с легкостью обезоруживала ее? Она была счастлива с ним, пока длился их недолгий роман, пока Маркос не сбежал и не бросил ее, после чего ей пришлось вернуться к Брэндону. И это моментальное влечение к Ракете ей казалось абсурдным, как и все, что она делала со вчерашнего дня. Она никак не могла разобраться в своих чувствах, и как обычно, когда теряла контроль, ее разочарование и волнение перерастали в гнев.

На самом деле она сердилась не на Маркоса и мальчишек, но, ей казалось, что они смеялись над ней, как будто она была пустоголовой красоткой. Брэндон часто так делал.

Маркос не был похож на Брэндона, хотя не злиться на всех мужчин планеты Наде давалось все тяжелее.

Было бы неправильно винить Маркоса в том, что из-за его отъезда, она вернулась к Брэндону, но именно его бегство стало причиной серии решений, которые привели к тому, что она осталась без бензина и стала предметом насмешек со стороны подростков.

– Поехали, – сказала она, видя, что он не собирается рассказывать, над чем же он с мальчишками смеялся.

Она забралась в машину, поставив канистру с бензином между ног, и задалась вопросом, безопасно ли ее так перевозить. Но Надя не собиралась спрашивать об этом Маркоса. Всю жизнь люди говорили ей о том, что она очень умная. Она была эрудированной, но как это помогло ей в реальной жизни?

Она злилась на Брэндона, но если говорить откровенно? Надя могла винить только себя за все, что произошло в ее жизни.

Ракета наполнил бак своего автомобиля, а затем мальчишки-подростки уехали в сторону гор. Он заплатил за бензин, и вернувшись в машину, протянул ей чек.

– Держи, – сказал он.

– Спасибо, – ответила она, даже не взглянув на него.

Маркос порылся в своем пластиковом пакете и достал ярко-желтую банку.

– Вот, – произнес он. – Ты когда-нибудь пробовала это?

– Что это? – спросила Надя. Она не любила газировку, кроме диетического Доктора Пепера. Но слова «Йерба мате», выведенные жирными объемными буквами на лицевой стороне банки, заинтриговали ее.

Йерба мате – это травяной напиток, который многие люди в Южной Америке пьют вместо кофе или вместе с кофе, как ее отец, который любил добавлять чайную ложку растворимого кофе в свой утренний мате, чтобы придать ему крепости.

Аргентинцы ходят с этим напитком повсюду. Она видела фотографии футболиста Месси, который направлялся на игру с мате в руках. Но уругвайцы относились к этому чаю с еще большим фанатизмом, чем аргентинцы. Она не знала, являлось ли это оскорблением, но ее отец однажды назвал уругвайцев зеленобрюхами, *panzaverdes*¹⁹, поскольку они никуда не ходят без своего мате, даже в кино или церковь.

Когда она познакомилась с Ракетой и узнала, что он наполовину уругваец, она предложила ему мате. Традиционный, приготовленный из измельченных поджаренных листьев и горячей воды, напиток в калабасе, который пьют с помощью бомбилы – соломинки с фильтром на конце.

Он покачал головой.

– Я не любитель мате, – заявил он таким тоном, будто хотел сказать, что не любит дышать свежим воздухом или тому подобную дикость. Она настояла. Она видела, как он пил кофе, хотя сказала ей, что делает это, чтобы досадить своей мормонской семье. Кодекс здоровья мормонов запрещает им пить кофе.

Этот мате в банке, которую он ей протягивал, был похож на стимулирующий энергетический напиток.

Энергетический напиток со вкусом йерба мате?

– Никогда не пробовала, – ответила она на его вопрос. – И я не люблю энергетические напитки, так что, скорее всего, мне он не понравится.

– Ты стала пуристом? – Он закатил глаза. – Попробуй!

Она рассмеялась.

– О-о-о, пурист, – передразнила она.

Он пожал плечами.

– Я бывший спортсмен и студент, леди. Я учился в колледже и, к твоему сведению, далеко не дурак.

Она открыла банку, и раздалось шипение.

– Ясно. Он не газированный?

– Не этот, – ответил Маркос.

¹⁹ *panzaverdes* (с испан.) – дословно зеленые брюшки, животы.

Она попыталась прочитать информацию о питательной ценности, но шрифт был слишком мелким.

Надя сделала глоток, ожидая, что ей очень не понравится, но на языке взорвалась симфония вкусов.

– Сколько здесь кофеина? – поинтересовалась она.

– Много, – снова рассмеялся он. – Но никаких углеводов.

Без углеводов?

– В нем нет сахара, – добавил он. – Хотя зачем тебе утруждаться проверкой правдивости моих слов?

– Я бы предпочла не считать свои калории. Я люблю потреблять их в форме хлеба, можешь быть спокоен.

– С маслом, – добавил он, облизывая губы, и этот жест, одновременно такой невинный и неприличный, безумно возбудил Надю, но она не призналась бы в этом даже под пытками.

– Мне приходится ограничивать потребление углеводов, – пояснила она. – У нас в семье есть больные диабетом, но ты? Тебе так повезло. Ты нисколько не изменился со времен колледжа.

Он пожал плечами и открыл рот, будто собираясь что-то сказать. Она ожидала, что услышит абсолютно предсказуемую фразу о том, что она тоже ничуть не изменилась, хотя они оба знали, что это ложь. Но он промолчал. И в глубине души Надя почувствовала себя уязвленной.

– Вот мы и на месте, – произнес он, когда они доехали до парковки. Кензи еще не вернулась.

Надя вышла из машины и залила бензин в свой бак, надеясь, что сможет добраться до заправочной станции рядом со своей квартирой. Она не могла допустить, чтобы в понедельник, забыв заправиться, она застряла по дороге на работу. Про себя она поклялась, что никогда больше не позволит стрелке опуститься ниже отметки половины бака.

– Как ты думаешь, она заведется? – спросила Надя.

Он кивнул, как будто знал все секреты Вселенной. И только потому, что она чувствовала себя мокрым, брошенным утенком, она ему поверила.

Надя повернула ключ зажигания, и ее машина ожила после первой же попытки. Двигатель заурчал, руль завибрировал под ее руками. Она испытала такое облегчение, что чуть не расплакалась.

Она вспомнила, что Маркос стоял рядом и все еще наблюдал за ней, как будто боялся оставить ее одну.

– Что касается праздника, – сказала она. – Я заплатила за уроки танцев и пару... мероприятий. Я свяжусь с тобой в понедельник, чтобы обсудить некоторые детали? И вопросы? Соберется вся моя семья из Аргентины и со всего мира. Это будет...

– Эпично, – продолжил он, обворожительно улыбаясь.

– Золотые слова. – Он понимающе кивнул, и она добавила: – В любом случае, приятно тебя снова увидеть... – В последнюю секунду Надя остановила себя, чтобы не сказать «Ракета».

– Рад был повидаться с тобой. Нани, – ответил он без малейших колебаний.

Она отъехала и, прежде чем повернуть в конце подъездной дорожки, посмотрела в зеркало заднего вида. Он все еще наблюдал за ней.

Глава 6

Маркос

Маркос наблюдал, как она отъезжает, и молился богу, в которого не верил, выглядеть в этот момент спокойным и собранным. Внутри его кровь кипела и бурлила, как океанские волны, за которыми он однажды наблюдал в Назаре, в Португалии. Он приехал туда фотографировать свадьбу, которая совпала по дате с соревнованиями по серфингу. Сейчас, вспоминая об этом, ему стало понятно, почему его друг Деклан (русалка в мужском облики, если можно было найти второго человека, столь помешанного на океане) выбрал именно это место, чтобы связать себя узами брака со своей второй половинкой, Коди.

Он вспомнил благоговейный трепет, который тогда испытывал, наблюдая, как крошечный на вид человек покорял эти дикие потоки воды и необузданной природной силы. А потом благоговейный трепет превратился в зависть. Маркос занимался серфингом, но недостаточно хорошо, чтобы попытаться оседлать одну из этих чудовищных волн.

Сейчас его сердце трепетало, ноги дрожали, и ему хотелось убежать далеко-далеко. Сестра на самолет обратно в Португалию. Встать на одну из этих хлипких досок для серфинга. Все, что угодно, лишь бы не быть вовлеченным в ожесточенную борьбу, которую затеяли его разум и сердце.

– Фу-ты, черт! – простонал он, взъерошив волосы, как будто мог избавиться от сотен фантазий, приходивших ему на ум, в каждой из которых в главных ролях были девушка его мечты и он сам.

Нани.

После того, как он подумал о ней, а потом увидел ее во плоти и провел время, находясь на расстоянии одного прикосновения, эти фантазии стали для него пыткой.

Потому что независимо от того, какие чувства он испытывал в последний час с тех пор, как увидел ее, или, о чем бы ни фантазировал, у него не было ни шанса снова быть с ней.

Время было неподходящим: она только что разорвала помолвку и пыталась наладить свою жизнь, а он вернулся домой, чтобы искупить грехи за последние два десятилетия своей жизни.

И тут, конечно же, его тело и сердце решили подорвать его лучшие намерения.

Когда он был маленьким, его мама предупреждала его, что все последствия его опрометчивых решений однажды настигнут его. Конечно, она была права.

Его час расплаты настал, когда он меньше всего этого ожидал.

Его сестра, королева мормонов, Молли Мормон, она же Сара, обычно говорила ему, что наказания не существует, есть только последствия его поступков. И не то чтобы он злился на Бога. Он сомневался, что существует такой бог, в которого верили его мать и сестра. Но даже если таковой существовал, он не злился на этого парня. Он представлял себе это божество в какой-то степени напоминавшим его отца, только старше, суровее и с длинной бородой, доходившей ему до живота. Что было совсем не похоже на его отца, поскольку Стюарт Хокинс был еще довольно молодым, чтобы иметь шевелюру седых волос.

Если быть откровенным, Маркос не злился на того юношу, которым когда-то был, и который поставил его в такое затруднительное положение с Нани. Если бы он не сбежал тогда, будучи еще студентом, его жизнь не стала бы лучше, потому что тот молодой Маркос Хокинс был придурком. Нельзя сказать, что он сильно изменился, но, по крайней мере, теперь он знал, каким человеком был.

Молодой Маркос Хокинс уничтожил бы красоту и энергию, которыми обладала Надя Паласио. Разве его отец не сказал ему однажды, что он портит все, к чему прикасается? И если бы он погубил Нани, тогда мир не узнал бы о потрясающей женщине, которой она стала. Впрочем, она и раньше была такой. Ослепительной. А теперь еще и сильной духом.

В то время он был мотыльком, стремящимся к ее свету – избитое выражение, но Маркос согласился с ним.

Маркос – Человек-Мотылек.

Он засмеялся и почувствовал, что лебеди, плавающие в пруду, встревоженно смотрят в его сторону.

Нет, тогда он не был мотыльком. Вместо того чтобы лететь на свет, хотя бы из эгоистичных побуждений, он устремился в противоположном направлении. Он оправдывал себя тем, что, приняв такое решение, нанес наименьший ущерб. Каким же он был лжецом.

Лжецом и трусом.

От размышлений о том, что могло бы быть, у него заболела голова. Представляя себе последствия, к которым могли привести его действия, он выбрал тот путь, который, казалось, принесет меньше вреда.

Но правда заключалась в том, что он выбрал путь, который привел к худшему результату. Он был вынужден заняться семейным бизнесом, в котором был совершенно некомпетентен, в надежде спасти его.

Маркос допил свой мате и выбросил банку в мусорный контейнер. Банкетная служба и оформители приступили к подготовке особняка к предстоящему вечером бракосочетанию. Эта свадьба была для необычных клиентов: пара средних лет, повторно вступающая в брак после десяти лет разлуки.

Он никогда не встречался с ними лично. Сара занималась всеми деталями. Но его мучило любопытство, и он хотел понять, что именно побудило мужчину повторно жениться на женщине, которую он настолько ненавидел, что развелся с ней.

Маркос помахал Марти, представителю фирмы, обслуживающей свадьбы, и направился в свой кабинет. Кензи, к счастью, там не было. В этот момент у него зазвонил телефон.

Номер звонившего был незнакомым, и имя не высветилось. Он уже почти решил отправить звонок на голосовую почту, но передумал. Иначе ему пришлось бы прослушать сообщение, и он в очередной раз увидел бы мамино голосовое сообщение, которое ему до сих пор не хватало смелости открыть.

Последние слова его матери в буквальном смысле.

Он ещё никому об этом не рассказывал, даже Саре. Каждый раз, видя мамино не прослушанное сообщение, он чувствовал себя обманщиком и убийцей. А тут ещё пришлось бы перезванивать этому человеку, вероятнее всего, очередной помешанной на свадьбе невесте, что стало бы полным кошмаром.

Нет. Не было никакого смысла откладывать.

Он откинул волосы со лба и нажал кнопку «Принять вызов».

– Маркос Хокинс на связи, – произнес он жизнерадостным голосом, которому научился, работая в колл-центре, на своей первой работе, когда ему было шестнадцать лет.

– Привет, Марк?

Голос на другом конце принадлежал не какой-то чокнутой невесте.

Голос звонившего был так похож на отца Маркоса, Стюарта, когда тот был еще здоров, что неожиданные непрошенные слезы защемили глаза. Дыхание перехватило, как тогда, когда он бежал последнюю милю марафона по пустыне Солт-Флэтс в Северной Юте. Еще одна поездка, во время которой он не заехал навестить свою мать.

Он не сразу понял, что говорит этот человек. И когда голос и слова дошли до него, он сообразил, что это был не его отец. Конечно, это был не он. Звонил дядя Монти.

– Марк, ты меня слышишь? – настойчиво переспросил дядя Монти.

Маркосу было противно, что дядя называл его уменьшительным именем. Только самые близкие в его семье могли так обращаться к нему. Он вспомнил, как дядя Монти сказал его матери, что эти дети Хокинса были ее детьми, а не частью семьи, которая следовала по прерии за мормонскими пионерами.

– Слышу, – ответил он, стараясь взять себя в руки. Почему он снова чувствовал себя маленьким мальчиком, общаясь с людьми из своего прошлого? Все его недостатки и слабости всплывали наружу, и он больше не мог притворяться невозмутимым Маркосом Хокинсом. Он становился проказником Марком.

– Как я уже говорил, я хотел бы приехать сегодня чуть позже и поговорить с тобой. У меня деловая встреча, а затем церковное мероприятие, о котором мне нужно позаботиться. Но церковь находится рядом с домом твоих родителей, и я хотел заскочить и переговорить кое о чем, если ты не против.

Маркосу совершенно не нравилось это предложение, но, даже если и так, мать научила его уважать старших. А его дядя, пусть и был непорядочным человеком, все-таки относился к старшему поколению.

– Я буду здесь, – сказал он, – У нас в семь мероприятие, поэтому, если ты собираешься заехать, я не смогу встретиться с тобой после шести, поскольку именно в это время большинство семей появляется для последних приготовлений.

Дядя прищелкнул языком, но оживленно ответил:

– Я приеду в пять. Как тебе это? Таким образом, ты сможешь позаботиться о бизнесе.

– Хорошо, – согласился Маркос, но его голос прозвучал так тихо, что он смутился. Если бы его друзья из Калифорнии услышали его в этот момент, они бы не поверили, что это Маркос. Но это был он. В Маркосе Энцо Хокинсе уживалось множество личностей.

Последовала пауза, и в животе у Маркоса заурчало. Он пожалел, что не купил сэндвич на заправке, но ему было неловко признаться Нани, что в плане еды его привычки совсем не изменились.

– Тогда до встречи, – сказал он.

– Хорошо, до встречи. И, кстати, прежде чем ты отключишься, хочу сказать, что приятно поговорить с воспитанным человеком вместо твоей сестры. Я не знаю, что случилось с нашей милой маленькой Сарой, но с ней невозможно было иметь дело. Она была уверена, что ты вообще не станешь со мной разговаривать. Но я рад, что ты более дружелюбный. Я уверен, что мы сможем договориться. Джордж будет рад это услышать. Ладно, пока.

Он повесил трубку, и Маркос почувствовал себя дураком. Его дядя ловко обвел его вокруг пальца.

Он понял, что Сара его убьет.

После того, как он поел, и его голова слегка прояснилась от воспоминаний о прошлом и разговора с его дядей, а также от последовавшего за этим стыда, Маркос немного пришел в себя. Он надел черный костюм, и как по волшебству, эта новая личность завладела его действиями и мыслями.

Пришло время вести себя подобающе законному владельцу заведения, коим его все и считали, все, кроме него самого. Возможно, если бы он играл эту роль достаточно долго, то и сам бы поверил, что идея его сестры оставить его за главного была не самой худшей.

Гравий захрустел под колесами тяжелого автомобиля, и Маркос выглянул в окно.

К дому подъехал элегантный, но старомодный изумрудно-зеленый «ягуар».

Из машины появился мужчина в темно-синем костюме с бутоньеркой на лацкане пиджака. Кензи уже вышла на встречу ему, пока он оглядывался по сторонам с довольным выражением на лице.

Он был высоким, с покрасневшим лицом и залысинами, но, казалось, с достоинством принимал неизбежную потерю волос, и, похоже, совершенно не пытался скрывать, что лучшие дни его шевелюры уже позади. Он был в хорошей форме, рукава пиджака выгодно подчеркивали рельеф его рук, но при этом у него имелся небольшой пивной животик. И он так широко улыбался, что позже его щеки определенно будут болеть. Маркос знал это по собственному опыту, поскольку не раз сопровождал Бри на красных дорожках, хотя, с другой стороны, он притворялся счастливым. А этот человек светился от радости.

Кензи поприветствовала его у входа в заведение.

– Мистер Локк! – ее щебечущий голос донесся до окна кабинета, и нотки радости, звучащие в нем, казались совершенно искренними. Маркос предположил, что, наблюдая за тем, как пара повторно вступает в брак и снова находит любовь после развода, ее раненая душа в какой-то степени исцелялась. Она могла сколько угодно флиртовать с ним – и другими мужчинами – но он замечал, как в ее взгляде появлялась нежность, когда она говорила о своем никчемном бывшем муже Райдере.

Кензи отлично справлялась со своими обязанностями, но пришло время ему появиться. Маркос глубоко вздохнул, застегнул пиджак и направился вниз. Он завязал волосы сзади в аккуратный хвост, но по привычке все равно заправил за ухо прозрачную прядь волос.

Когда он подошел к центральному входу, мужчина и Кензи болтали, как старые друзья. Но тем не менее этот мужчина совсем не флиртовал с Кензи. И, несмотря на ее доброжелательность и неудержимый энтузиазм, она тоже вела себя прилично, держась от него на почтительном расстоянии.

Маркос был впечатлен.

Мужчина увидел приближение Маркоса и улыбнулся ему. Маркос был рад, что прислушался к совету Кензи и вместо того, чтобы как всегда вырядиться в спортивную одежду, он убрал волосы назад в хвост и надел костюм для встречи гостей. Его мама и папа привыкли общаться с гостями, предвидя чрезвычайные ситуации и накладывая на них внимание. Утром Маркос взял булавку с названием «Зачарованные сады» со стола отца и прикрепил ее к своему галстуку. Это была идея его мамы: если человеку вдруг понадобилась бы помощь, то он знал бы, к кому обратиться, и ему не пришлось бы тратить время на поиски «иголки в стоге сена».

Кензи, похоже, тоже находилась под впечатлением от его вида. Она кивнула и затем едва заметно подмигнула. Маркос даже задался вопросом, произошло ли это на самом деле.

– Добрый вечер, я – Маркос, рад встрече, – представился он, стараясь взять себя в руки, потому что одобрение Кензи ошеломило его. От некоторых привычек трудно избавиться. Ему вдруг захотелось казаться профессиональным и компетентным. Он протянул руку мужчине для пожатия.

– Добрый вечер, Маркос, – поздоровался мужчина. – Я Гэри Локк.

– Приятно познакомиться, мистер Локк. Примите мои поздравления! – искренне ответил Маркос.

Мужчина застеснялся, и кончики его ушей покраснели. Он пожал плечами, словно пытаясь скрыть свои чувства. Превращение из уверенного в себе богача в краснеющего жениха было настолько мгновенным и неожиданным, что Маркос улыбнулся, а его холодный рассудок восхитился уязвимостью этого человека. Хотя в глубине своего сознания он задавался вопросом, не было ли все это на показ. За свою жизнь он не раз сталкивался с аферистами, и даже, возможно, стал бы одним из них, если бы в свое время не встретил Нани и не изменил свой образ мысли и свои привычки. Но он терпеть не мог цинизм.

Кензи, видимо, позвонила, потому что она приложила руку к наушнику, с которым никогда не расставалась на случай, если нужно было дать какие-то указания. Она взглянула на Маркоса, и он уже настроился услышать о нештатной ситуации.

Но Кензи лишь быстро улыбнулась и сказала Маркосу:

– Я пойду помогу Марти с доставкой канapé. Я буду рядом, если понадобится. Извините меня.

Он отрывисто кивнул, послав дежурному святому молитвенную благодарность за ее сноровку и профессионализм. Ранее она пыталась заставить его надеть наушник, но он отказался и теперь сожалел об этом. Если он планировал показать себя профессионалом, недостаточно было выглядеть соответствующе.

– У нее отлично получается. Как и у Сары, – сказал мистер Локк, когда Кензи удалилась, но, в отличие от других мужчин, он не пялился на ее соблазнительную фигуру. – Спасибо вам и вашим сотрудникам за то, что помогли мне устроить для моей невесты свадьбу ее мечты. Я бы не смог спланировать это без вас.

– Нам это доставляет искреннюю радость, – сказал Маркос, и, к его удивлению, он даже не лгал и не притворялся. – Как вы сказали, Кензи и Сара преданы нашим клиентам.

Дарить людям счастье – было навязчивой идеей его семьи в течение многих лет. Но тяжелая работа сказалась на Саре и ее семье. После того, как здоровье их отца ухудшилось, она взяла на себя управление бизнесом и ушла в работу с головой. Но правда заключалась в том, что у нее было полно забот со своими детьми. Маркос надеялся, что по возвращении она убедится, что он сдержал свое обещание удержать бизнес на плаву.

– Это точно. – Мистер Локк рассмеялся, как будто только что что-то вспомнил. – Сара сказала мне, что ваша фирма не привыкла иметь дело с женихами. В основном вы контактируете с невестами, и особенно с их матерями. Время от времени попадаетесь парочка чересчур бойких бабушек или какой-нибудь отец невесты, когда его заставляет жена, но редко жених.

Маркос кивнул. В индустрии, посвященной празднованию любви и семьи, мужчины определенно отсутствовали.

Маркос откашлялся и задал главный вопрос:

– Тогда что делает вас исключением из правил? Причина в том, что вы женитесь во второй раз?

Маркос тут же пожалел о своих вопросах. Ему не стоило совать нос в чужие дела.

Но мистер Локк кивнул, по-видимому, несколько не обиженный.

– Джулия, моя невеста, всегда была опорой нашей семьи, еще когда мы были двадцатилетними юнцами.

Маркос ломал голову, как бы вежливее спросить, почему они тогда снова женились. Но ему не стоило беспокоиться, поскольку мистер Локк сам этим поделился.

– Мы были бедными первокурсниками, когда женились в первый раз. Она – студентка колледжа в первом поколении из Вайоминга, а моя семья хоть и не слыла богатой, но не испытывала финансовых проблем. Я средний ребенок из десяти. У меня шесть сестер и три брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.